

коснулся Богъ“, т. е., люди отважные, которымъ Сауль особенно понравился, которые увидали въ немъ самимъ Богомъ указаннаго вождя для борьбы съ врагами, устроили Саулу почетные проводы. Дѣло однако не обошлось безъ оппозиціи: „а негодные люди говорили: ему ли спастись насъ? И презрѣли его и не поднесли ему даровъ“. Вѣроятно, это были ефремляне, постоянные протестанты въ еврейской исторіи ⁽¹⁾. „Но Сауль, сказано, какъ бы не замѣчалъ того“. Благоразуміе требовало при тогдашнихъ обстоятельствахъ отнестись спокойно къ этой вспышкѣ неудовольствія въ нѣкоторой части народа, иначе она могла перейти въ пожаръ междоусобія.

Такъ произошло избраніе перваго еврейскаго царя и установленіе царскаго правленія у евреевъ, у которыхъ до этого времени государственнй строй напоминалъ ⁽²⁾ то, что нынѣ называютъ федеративной республикой. Въ исторической жизни евреевъ это было событіемъ глубокой важности; его можно поставить наряду съ исходомъ изъ Египта и завоеваніемъ земли Ханаанской. Еврейская монархія, сначала скромная, ограничивавшаяся борьбою за независимость, быстро расширила свои предѣлы извнѣ и достигла блеска и пышности внутри. Періодъ нераздѣльной монархіи, въ особенности со времени Давида и до смерти Соломона, остался навсегда въ воспоминаніи евреевъ идеаломъ политическаго благосостоянія. Такимъ возвышеніемъ они обязаны не столько

⁽¹⁾ 1. Нав. 17, 14. Суд. 8, 1; 12, 1... 3 Цар. 11, 26.

⁽²⁾ Только напоминалъ; потому что съ одной стороны отдѣльныя колѣна во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ религіозныхъ дѣлъ, могли жить совершенно независимою жизнью, какъ самостоятельныя государства, и дѣйствительно жили, когда ихъ не объединяли на время своимъ вліяніемъ какой-нибудь судія или пророкъ; съ другой же стороны вѣра въ единого Бога, невидимаго царя, и божественный законъ, опредѣлявшій религіозную жизнь евреевъ, связывали ихъ гораздо болѣе, чѣмъ общія государственныя установленія объединяють части какой-нибудь разноплеменной и разноязычной монархіи.

подъему народнаго духа, сопровождающему болѣе или менѣе всякій важный переворотъ, сколько личнымъ качествамъ своихъ первыхъ трехъ царей. Со времени избранія Саула историческія воспоминанія евреевъ группируются около личности ихъ царей, и это совершенно естественно; потому что съ этого времени нити всѣхъ важнѣйшихъ событій были въ рукахъ царей, и они рѣшительнымъ образомъ опредѣляли движеніе исторической жизни. Особенно обильны и характерны воспоминанія о трехъ царяхъ нераздѣльной монархіи, потому что ни одинъ изъ послѣдующихъ царей не имѣлъ такого важнаго значенія въ еврейской исторіи, какъ они, и потому что самыя личности ихъ въ высшей степени своеобразны и типичны. Съ этими личностями и ихъ дѣяніями, важными для исторіи народа Божія, мы и ознакомимся далѣе.

САУЛЬ

Сауль былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда утвердился на царствѣ, — имѣлъ сыновей и дочерей ⁽¹⁾. Сыновья его были Ионаѳанъ, Иессуи и Мелхисуа. Изъ нихъ по крайней мѣрѣ Ионаѳанъ при началѣ царствованія былъ уже настолько взрослымъ, что совершалъ отважные военные подвиги. Это былъ герой въ истинномъ смыслѣ слова: безстрашный, прямодушный, благородный, симпатичный. Онъ составлялъ украшеніе Саулова семейства и славу всего царства. Изъ другихъ, ближайшихъ къ Саулу лицъ обращаетъ на себя вниманіе его двоюродный братъ Авениръ, чело-

⁽¹⁾ Выраженіе «молодой» 1 Цар. 9, 2, значить: въ цвѣтущемъ возрастѣ, не стараясь. — Годъ утвержденія Саула на царствѣ нельзя опредѣлить съ точностію. Различные ученые опредѣляютъ его различно на пространствѣ 1055—1095 до Р. X. Graetz, Geschichte der Israeliten. Leipz. 1874. В. 1. Стр. 493. Langhans, Handbuch der biblischen Geschichte und Literatur. Bern. 1875. 4 Theil. Стр. 102. Mounk, Palestine. Description geograph., histor. et archeologique. Paris. 1845. Стр. 252.

вѣкъ несомнѣнно способный, но честолюбивый. Онъ сдѣлался военачальникомъ у Саула. Любопытное зрѣлище представлялъ первый еврейскій царь въ первые дни своего царствованія. Онъ положительно ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ гражданъ: жилъ въ своемъ частномъ домѣ, пахалъ землю; не было у него ни двора, ни тѣлохранителей, ни войска, никакихъ внѣшнихъ признаковъ власти! Свообразность, исключительность еврейской исторіи вообще выступаетъ въ частности здѣсь съ поразительною ясностію. Тогда какъ при обыкновенныхъ, скажемъ: естественныхъ, условіяхъ происхожденія царскаго правленія личность, имѣющая быть царемъ, заранее приобретаетъ всѣ существенныя принадлежности царственной особы: власть, богатство, военную силу, и ей остается только принять титулъ и отличить себя отъ прочихъ смертныхъ какими-нибудь внѣшними знаками,—у евреевъ вышло наоборотъ: одинъ изъ обыкновенныхъ гражданъ, и едва ли всѣмъ извѣстный, дѣлается царемъ прежде всего только по имени. Все же, что дѣлаетъ, такъ сказать, царя царемъ, онъ приобрѣлъ уже впоследствии. И однако большинство народа признало этого обыкновеннаго гражданина царемъ, очень хорошо понимая, на какую высоту оно возноситъ надъ собою личность, которой оно и не боялось, ни даже привыкло уважать за что-либо. Это необычайное обстоятельство объясняется еократическимъ строемъ еврейской общественной жизни. Еврей живо вѣрилъ, что Богъ управляетъ его жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ томъ числѣ и государственною. Онъ вѣрилъ также, что пророки суть посредники между Богомъ и народомъ. Поэтому достаточно было, чтобы пророкъ отъ имени Бога назвалъ кого-либо царемъ, и авторитетъ этого лица упроченъ, и еврей былъ убѣжденъ, что Богъ въ этомъ случаѣ дастъ избранному лицу все, что долженъ царь имѣть, каково бы это лицо само по себѣ ни было,—и мужество, и умъ, и военныя способности, и проч.

Печально было положеніе евреевъ около времени избранія царя. Съ запада ихъ неотразимо тѣснили филистимляне. Они успѣли уже захватить въ свои руки на нѣкоторой части еврейской территоріи укрѣпленные мѣста (холмы), снабдили ихъ гарнизонами (охранные отряды) (*), которые зорко наблюдали за евреями и въ состояніи были подавить всякую враждебную имъ попытку въ самомъ началѣ. Желѣзное ярмо филистимскаго господства готово было наглухо замкнуться на шеѣ Израиля. Чтобы отнять у евреевъ всякую возможность защищаться, филистимляне обезоружили ихъ, уничтоживъ въ ихъ землѣ всѣхъ кузнецовъ, такъ что даже для починки земледѣльческихъ орудій евреи должны были ходить къ своимъ врагамъ, филистимлянамъ. Вѣроятно, по причинѣ слабого развитія промышленности, у евреевъ того времени кузнечнымъ дѣломъ въ ихъ землѣ занимались филистимляне, которые и ушли отъ евреевъ по требованію своего правительства. Убѣжищемъ независимости евреевъ оставались пока восточныя области ихъ земли, прилегающія къ Иордану и расположенныя за Иорданомъ, куда господство филистимлянъ еще не простиралось. Но вотъ явился опасный врагъ и на востокъ—Наасъ (Нахашъ), царь аммонитскій. Безъ сомнѣнія онъ хотѣлъ воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ западныхъ евреевъ, чтобы безъ труда покорить восточныхъ. Такимъ образомъ евреи были совершенно между двухъ огней, и первоизбранному царю предстояло много дѣла. Но первый царь евреевъ былъ богатырь. Въ древности (какъ и нынѣ еще въ простомъ, непосредственномъ быту) физическая сила имѣла громадное значеніе для человѣка. Человѣкъ, обладавшій ею въ значительной степени, невольно проникался сознаниемъ своего превосходства надъ окружающими, и въ немъ развивался духъ отваги,

(*) 1 Цар. 10, 5.

воинственное настроеніе, героизмъ. Окружающія его болѣе слабыя личности тоже невольно проникались чувствомъ уваженія къ нему и стремились сгруппироваться около него, какъ около надежнаго оплота, опираясь на который они и сами проникались героизмомъ и становились способными на отважныя дѣла. Библия, обрисовывая новоизбраннаго царя, знаменательно останавливается только на внѣшнихъ качествахъ Саула (не такъ было дѣло, какъ увидимъ, при избраніи Давида). „И былъ ростомъ, говорится, больше всего народа, отъ плечъ и выше“. Народъ пришелъ въ восторгъ при видѣ его. Это значило, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда нужно было воевать и воевать противъ многочисленныхъ и сильныхъ враговъ, нуженъ былъ прежде всего и болѣе всего храбрый предводитель, царь-воинъ. А таковымъ и могъ быть Саулъ, этотъ исполинъ изъ колѣна Вещиаминова.

Какіе же враги прежде всѣхъ испытали на себѣ руку Саула? Хотя порядокъ событій, слѣдовавшихъ за избраніемъ Саула, и указанный Библиею, въ непредубѣжденномъ читателѣ не возбуждаетъ никакого недоумѣнія; однако нѣкоторые писатели, очевидно имѣющіе не очень высокое мнѣніе объ историческомъ достоинствѣ библейскихъ повѣствованій, считаютъ нужнымъ представить дѣло по своему. Одинъ изъ таковыхъ (1) старается убѣдить, что первая война Саула была не съ аммонитянами, какъ рассказываетъ Библия, а съ филистимлянами, война съ которыми по указанію Библии была уже второю при Саулѣ. Онъ считаетъ невѣроятнымъ то обстоятельство, что въ первой войнѣ, т. е., въ войнѣ съ аммонитянами, евреи выставили 300000 войска, тогда какъ въ войнѣ съ филистимлянами всего 600. Не признавая эти числовыя данныя вполне вѣрными, онъ тѣмъ не менѣе полага-

(1) Graetz. Вышеуказ. сочин. Т. I, стр. 172.

етъ, что полупорабощенные евреи въ первой войнѣ должны были выставить меньше войска, а во второй больше. Это соображеніе онъ считаетъ доказательствомъ того, что война съ филистимлянами предшествовала войнѣ съ аммонитянами. Потомъ онъ говоритъ, что по поводу войны съ филистимлянами сказано, что у евреевъ не было „никакого оружія“ (keine Waffen), а этого, говоритъ онъ, не могло бы быть, если бы евреи выдержали уже одну большую войну—съ аммонитянами. Наконецъ онъ указываетъ на то обстоятельство, что Самуиль послѣ тайнаго помазанія Саула на царство велѣлъ ему идти въ Галгалъ и ждать его тамъ семь дней; слѣдовательно, полагаетъ онъ, война съ филистимлянами непосредственно слѣдовала за избраніемъ, потому что именно предъ этою войною Саулъ ждалъ Самуила въ Галгалъ 7 дней. Чтобы объяснить, почему въ Библии указанъ другой порядокъ событій, помянутый писатель дѣлаетъ произвольнѣйшее предположеніе, будто библейскій повѣствователь намѣренно искажилъ факты: ему де показалось неловкимъ тотчасъ же за радостнымъ событіемъ избранія Саула представить отверженіе его, случившееся предъ войною съ филистимлянами, и вотъ, чтобы поддержать въ читателяхъ иллюзію нѣсколько болѣе продолжительнаго благополучія Саулова, онъ и вставилъ между избраніемъ и отверженіемъ войну съ аммонитянами. Настолько ли однако вѣски его вышеизложенные аргументы, чтобы прибѣгнуть къ такой безцеремонной и слабоумной гипотезѣ? Ужели, вопервыхъ, въ самомъ дѣлѣ вещь совсѣмъ невѣроятная, что у евреевъ въ первой войнѣ (съ аммонитянами) могло быть несравненно больше войска, чѣмъ во второй (съ филистимлянами)? Намъ кажется напротивъ это обстоятельство въ высшей степени вѣроятнымъ. Количество войска у евреевъ въ то время вовсе не зависѣло отъ назначеній вождя или отъ какой-нибудь опредѣленной системы сосредоточиванія боевыхъ силъ, а отъ народнаго воодушевленія. Вооду-

шевался народъ—и брался за оружіе почти поголовно; равнодушно относился къ предпріятію или трусилъ страшнаго врага—и никто не могъ вытащить его изъ его кушей. А филистимлянъ евреи несомнѣнно трусили. „Израильтяне, сказано, видя, что они въ опасности, укрывались въ пещерахъ и въ ущеліяхъ, и между скалами, и въ башняхъ, и во рвахъ. А нѣкоторые изъ евреевъ переправились за Иорданъ, въ страну Гадову и Галаадскую“⁽¹⁾. А потомъ сказано: „такъ какъ Самуиль не приходилъ (въ Галгалъ), то народъ сталъ расходиться отъ него (отъ Саула)“. Развѣ все это не достаточно объясняетъ, какимъ образомъ у евреевъ въ войнѣ съ филистимлянами оказалось только 600 воиновъ? Еще хуже второй аргументъ упомянутаго писателя, именно, что въ войнѣ съ филистимлянами у евреевъ не было „никакого оружія“. Это уже одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, которые позволяютъ себѣ только такъ называемые рационалисты, когда имъ нужно бываетъ бороться противъ библейской истины. Въ Библии говорится только, что у евреевъ не было *жельзнаго* оружія, именно мечей и копій⁽²⁾, потому что у нихъ не было своихъ кузнецовъ. Отсюда конечно вовсе не слѣдуетъ, что у евреевъ не было никакого оружія и что поэтому они не могли предпринять войны съ аммонитянами, не побѣдивши филистимлянъ. Масса евреевъ, вооруженная пращами и луками, смѣло могла вступить въ борьбу съ аммонитянами, такъ какъ евреи

⁽¹⁾ 1 Цар. 13, 6. Надобно быть положительно фанатикомъ излюбленной рационалистической идеи, чтобы сдѣлать предположеніе, будто евреи попрыгали по паущенію священниковъ. (Подразумѣвается, что священники ненавидѣли Саула) Такое предположеніе мы встрѣчаемъ въ «Kulturgeschichte des Judenthums» von Otto Henne-Am Rhym. Jena. 1880. s. 36. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ послѣ перваго пораженія филистимлянъ евреи вышли изъ своихъ убѣжищъ, присоединились къ Саулу и увеличили его силу до десяти тысячъ человѣкъ? 14, 22. 23.

⁽²⁾ 13, 22.

были отличные пращники, особенно вениаминяне, между которыми были такіе, что „бросая изъ пращи камень въ волосъ, не бросали мимо“⁽¹⁾. Стрѣльба изъ лука тоже очевидно процвѣтала. — Ионафанъ, сынъ Сауловъ ходилъ въ поле стрѣлять для развлеченія⁽²⁾. Жельзное оружіе было необходимо въ войнѣ съ филистимлянами, у которыхъ промышленность и военныя приспособленія были развиты несравненно болѣе, чѣмъ у восточныхъ сосѣдей евреевъ. Потому-то писатель книги Царствъ и упомянулъ объ отсутствіи у евреевъ мечей и копій именно предъ войною съ филистимлянами, чтобы показать, въ какую неравную борьбу вступали евреи. Никакихъ другихъ выводовъ кромѣ этого нельзя дѣлать изъ его замѣчанія. Относительно послѣдняго аргумента разбираемой гипотезы, именно, что Саулъ получилъ отъ Самуила заповѣдь ждать его въ Галгалѣ 7 дней, и Саулъ дѣйствительно ждалъ его въ Галгалѣ 7 дней предъ войною съ филистимлянами,—слѣдуетъ сказать, что этотъ аргументъ основанъ на неправильномъ пониманіи 8 ст. 10 гл. 1 Цар. Какъ понимаютъ его другіе ученые и какъ слѣдуетъ понимать, увидимъ въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же замѣтимъ, что пониманіе автора гипотезы совершенно не сообразно съ контекстомъ даннаго мѣста. Если Самуиль велѣлъ Саулу непосредственно послѣ тайнаго помазанія идти въ Галгалъ и тамъ ждать его, то что заставило Самуила сдѣлать народное собраніе въ Массифѣ для утвержденія Саула на царствѣ? Событіе это и самъ авторъ гипотезы ставитъ между повелѣніемъ идти въ Галгалъ и пребываніемъ Саула въ Галгалѣ предъ войною съ филистимлянами. Избѣгая несуществующихъ противорѣчій въ текстѣ, онъ самъ впадаетъ въ дѣйствительное и рѣзкое противорѣчіе: рассказавши о томъ, что про-

⁽¹⁾ Суд. 20, 16.

⁽²⁾ 1 Цар. 20, 20. 24.

изошло между Самуиломъ и Сауломъ въ Галгалѣ предъ войною съ филистимлянами, онъ тѣмъ не менѣе говоритъ о торжественномъ помазаніи Саула послѣ войны съ аммонитянами, бывшей по его мнѣнію послѣ войны съ филистимлянами. Какимъ образомъ и зачѣмъ Самуиль навсегда отвергнутого имъ царя чествовалъ и утверждалъ на царствѣ?.. Безъ сомнѣнія, чувствуя это противорѣчіе, онъ намѣренно изображаетъ фальшиво столкновение Самуила съ Сауломъ въ Галгалѣ, глухо говоря только о сильномъ неудовольствіи Самуила, тогда какъ текстъ прямо говоритъ объ отверженіи Саула и рѣшеніи пророка дать евреямъ другаго царя.—Что война съ аммонитянами ожидалась при самомъ избраніи Саула и что она по всѣмъ признакамъ должна была произойти раньше столкновения съ филистимлянами, это выше всякаго сомнѣнія. Самуиль въ рѣчи, обращенной къ народу въ Галгалѣ, напомнивъ евреямъ, что ихъ неоднократно Богъ спасалъ отъ враговъ чрезъ судей, продолжалъ: „но увидѣвъ, что Наасъ, царь аммонитскій идетъ противъ васъ, вы сказали мнѣ: нѣтъ, царь пусть царствуетъ надъ нами“. Ясно, что ближайшимъ, наиболѣе принудительнымъ и острымъ побужденіемъ къ избранію царя было враждебное движеніе аммонитянъ. Хотя филистимляне и тѣснили евреевъ съ запада, но тѣснили медленно, осторожно, вѣроятно рассчитывая нанести рѣшительный ударъ при какомъ-нибудь особенно благоприятномъ случаѣ. И пока евреи считали себя безопасными съ востока, захваты филистимлянъ не могли привести ихъ въ отчаяніе; потому что восточная часть еврейской земли никогда не была доступна филистимлянамъ. Евреи обыкновенно при нашествіяхъ съ запада укрывались сюда, здѣсь собирались съ силами и отбрасывали назадъ своихъ западныхъ враговъ. Неудивительно поэтому, что при первыхъ враждебныхъ попыткахъ аммонитянъ, грозившихъ отнять у евреевъ послѣднее убѣжище независимости, евреи пришли въ ужасъ, и ихъ ничѣмъ нельзя было отклонить отъ мы-

сли объ избраніи царя. Аммонитяне съ своей стороны, зная стѣсненное положеніе евреевъ на западѣ, не могли медлить, рѣшились воспользоваться благоприятными обстоятельствами, и такимъ образомъ произошла первая война евреевъ въ царствованіе Саула— война съ аммонитянами.

Обстоятельства этой войны какъ нельзя болѣе благоприятствовали Саулу выдвинуться изъ среды своихъ согражданъ, въ которой онъ казался до сихъ поръ какъ бы затеряннымъ, обратить взоры всѣхъ на себя и стать на ту высоту, на которой подобаешь быть главѣ народа. Наасъ, царь аммонитскій сдѣлалъ рѣшительный натискъ на за-иорданскихъ евреевъ и осадилъ крѣпость, Гависъ Галаадскій. Мѣстные евреи оказались безсильными противъ него, и осажденнымъ неизбежно было рано или поздно сдаться. Но когда они дали знать Наасу, что они согласны ему покориться, то Наасъ въ упоеніи своего могущества предъявилъ имъ варварское условіе: выколоть правый глазъ у всѣхъ побѣжденныхъ. I. Флавій, не желая видимому предполагать въ этомъ совершенно безцѣльную жестокость, думаетъ, что лишая евреевъ праваго глаза, Наасъ хотѣлъ сдѣлать ихъ неспособными къ войнѣ, такъ какъ при употребленіи щита (который былъ необходимой принадлежностью древнихъ воиновъ) только правымъ глазомъ можно было удобно смотрѣть впередъ, а лѣвый обыкновенно загоразивался щитомъ⁽¹⁾. Но въ Библии говорится опредѣленно, что Наасъ желалъ „положить этимъ безчестіе на всего Израиля“. Униженіе побѣжденныхъ болѣе или менѣе чувствительное было всегда въ обычаѣ, и если мы в послѣдствіи видимъ примѣры, что побѣжденное войско заставляли производить нѣкоторыя дѣйствія, унижавшія его нравственно, но не причинявшія людямъ никакой физической боли, не уродовавшія ихъ; то это означало толь-

(1) Antiqu. Lib. VI. 5. 1. Opera. Edit. Ambrosii Firmin Didot. 1845.

ко смягченіе старыхъ грубыхъ нравовъ. Въ древнѣйшія же времена, къ которымъ относится наша исторія, люди хотя и понимали нравственное униженіе, но они не могли имъ, какъ и всѣмъ отвлеченнымъ, удовольствоваться; оно казалось имъ мало осязательнымъ, и они непременно сопровождали его физическимъ страданіемъ, тѣлеснымъ изуродованіемъ. Такимъ образомъ, что для новѣйшихъ побѣдителей было преклоненіе знаменъ побѣжденнаго войска предъ знаменами побѣдившаго и другія подобныя дѣйствія, то для Нааса—возмутительная операція, изувѣченіе массы побѣжденныхъ людей. Тѣмъ не менѣе условіе Нааса показалось слишкомъ жестокимъ даже для тогдашнихъ людей. Когда посланные изъ Іависа пришли съ просьбою о помощи къ своимъ соотечественникамъ по сю сторону Іордана и объяснили свое положеніе, то, сказано, „весь народъ поднялъ вопль и заплакалъ“. Царь же евреевъ въ это время еще пахалъ землю, и посланные изъ Іависа не застали дома оригинальнаго царя. Саулъ спокойно шелъ съ поля позади своихъ воловъ, и вдругъ слышитъ народный вопль. Онъ спрашиваетъ въ недоумѣніи: что сдѣлалось съ народомъ? Тутъ уже ему и объяснили, въ чемъ дѣло. Тогда, сказано, сошелъ Духъ Божій на Саула... и сильно воспламенился гнѣвъ его. И взялъ пару воловъ, и разсѣкъ ихъ на части и послалъ во всѣ предѣлы Израильскіе и велѣлъ сказать: такъ будетъ поступлено съ волами того, кто не пойдетъ вслѣдъ Сауда и Самуила. И напалъ страхъ Господень на народъ, и выступили всѣ какъ одинъ человѣкъ.... Съ одной стороны Саулъ прибѣгнулъ къ весьма энергическому способу обнаруженія своей воли, потому что, какъ мы замѣтили сейчасъ, древнему человѣку для уразумѣнія всякой мысли, для полнаго усвоенія ея необходимъ былъ болѣе или менѣе яркій образъ: еврей, еще не испытанный, что такое царская власть, только тогда могъ вполне постигнуть ея значеніе, когда ему сказали, что за неповиновеніе царю онъ лишится вола, самаго

дорогаго предмета въ хозяйствѣ, и при этомъ показали для наглядности кусокъ разрубленнаго вола. Съ другой стороны и самъ народъ былъ въ сильномъ возбужденіи и страхѣ вслѣдствіе полученнаго извѣстія о варварствѣ Нааса; не было мѣста ни сомнѣнію, ни зависти, у всѣхъ было одно желаніе—идти противъ ненавистнаго врага. Такимъ образомъ и вышло, что земледѣлецъ Саулъ, бывший царемъ пока только по имени, безъ труда сдѣлался царемъ и на самомъ дѣлѣ; потому что волны народныя устремились теперь къ нему, какъ къ естественному и законному средоточію; онъ сталъ во главѣ народнаго движенія, и въ его рукахъ очутились невидимыя, но крѣпкія бразды правленія. Благодаря необычному одушевленію народа, собралось громадное ополченіе, и война окончилась скоро и счастливо. Устроивъ войско въ сборномъ пунктѣ, въ Везекѣ⁽¹⁾, Саулъ двинулся въ походъ. Все сдѣлалось такъ быстро, что аммонитяне не успѣли получить никакого извѣстія объ опасности; жители же Іависа, извѣщенные, что въ такой-то день они будутъ спасены, усыпили бдительность враговъ, объявивъ имъ, что они, не получивъ ожидаемой помощи, завтра же сдадутся. Но въ утро этого вожделѣннаго для аммонитянъ дня, еще прежде полнаго разсвѣта, войско Саула съ трехъ сторонъ кинулось на лагерь аммонитянъ. Самъ Саулъ съ среднимъ отрядомъ врѣзался въ середину стана. Пораженные внезапностію и страхомъ аммонитяне не могли оказать значительнаго сопротивленія и быстро разсѣялись, такъ что, говорится, не осталось изъ нихъ и двоихъ вмѣстѣ. Жители Іависа навсегда сохранили благодарность къ Саулу, какъ это увидимъ ниже. Важнѣе же всего было то, что всѣ евреи избавились отъ опасности съ востока, которая грозила конечной гибелью въ соединеніи съ гнетомъ съ запада отъ могу-

⁽¹⁾ Мѣстность въ колѣнѣ Иссахаровомъ, недалеко отъ Іордана, какъ разъ напротивъ Іависа Галаадскаго.

щественныхъ филистимлянъ. Народъ былъ въ восторгѣ и потребовалъ казни тѣхъ, которые обнаружили презрѣніе къ Саулу при нареченіи его царемъ. Но Саулъ самъ былъ въ такомъ восторгѣ, что забылъ оскорбленіе и объявилъ, что въ такой радостный день никого не должно казнить.

Пользуясь такимъ благопріятнымъ настроеніемъ народа, Самуиль рѣшился приступить къ тому, что еще оставалось сдѣлать для окончательнаго утвержденія Саула на царствѣ. На первомъ собраніи въ Массифѣ онъ хотя и поставилъ Саула царемъ, но видимо не устранился отъ дѣлъ, не сложилъ съ себя торжественно правъ судіи, которыя по существу дѣла должны были перейти къ царю. Побужденіемъ къ этому могло послужить то важное обстоятельство, что повидимому послѣшно созванное собраніе въ Массифѣ (а не въ Галгалѣ, считавшемся тогда наиболѣе священнымъ мѣстомъ, въ которомъ обыкновенно рѣшались самыя важныя государственныя дѣла) не было полнымъ, всенароднымъ собраніемъ; за-іорданскіе, напр., еврей по всей вѣроятности совѣмъ не приходили сюда вслѣдствіе угрожающаго положенія, принятаго аммонитянами. Еще важнѣе было то, что Саулъ встрѣтилъ противодѣйствіе. Этимъ объясняется и самая форма приглашенія на собраніе: „пойдемъ, сказалъ Самуиль народу, въ Галгалъ и обновимъ тамъ царство“. Здѣсь очевидно имѣлось въ виду уничтожить дѣйствіе оппозиціи, которая роняла авторитетъ Саула и дѣлала царство непрочнымъ. Такимъ образомъ въ Галгалѣ (¹) состоялось настоящее всенародное собраніе, на которомъ присутствовали многочисленныя представители отъ всѣхъ колѣнъ Израиля. „И поставили, сказано, тамъ Саула царемъ предъ Госпо-

(¹) Галгалъ—въ колѣнѣ Веніаминовомъ близъ Іордана. Для разрозненныхъ и отчасти соперничествовавшихъ колѣнъ онъ служилъ какъ бы нейтральною почвою, которая была освящена подвигами великаго общаго вождя ихъ, І. Навина.

домъ и совершили тамъ благодарственныя жертвы предъ Господомъ“. По тексту 70-ти Саулъ здѣсь былъ вторично помазанъ священнымъ елеемъ (въ первый разъ былъ помазанъ Самуиломъ тайно). Это подтверждаетъ и І. Флавій (¹). Народъ, такъ сказать, принесъ новую присягу, и затѣмъ всѣ предались праздничному веселью. Самуиль, подвергнувъ себя всенародному суду, сдалъ свою судейскую власть, которая всецѣло перешла къ царю. „Вотъ я, говорилъ Самуиль, послушался голоса вашего въ всемъ, что вы говорили мнѣ, и поставилъ надъ вами царя. И вотъ царь ходитъ передъ вами. А я состарѣлся и посѣдѣлъ; и сыновья мои съ вами. Я же ходилъ предъ вами отъ юности моей и до сего дня. Вотъ я; свидѣствуйте на меня предъ Господомъ и предъ помазаникомъ его, у кого взялъ я вола, у кого взялъ осла, кого обидѣлъ и кого притѣснилъ, у кого взялъ даръ и закрылъ въ дѣлѣ его глаза мои, — и я возвращу вамъ“. Онъ какъ бы такъ говорилъ: я нѣкогда имѣлъ надъ вами внѣшнюю власть, но добровольно уступилъ ее другому лицу по вашему желанію. Припомните же, какова была эта власть, злоупотреблялъ ли я ею? Вотъ сыновья мои предъ вами, которымъ я вручилъ было власть, но которые оскорбили васъ несправедливостію. Теперь они лишены всякаго значенія и безвредны для васъ. Что же касается меня, то можете ли упрекнуть меня въ томъ же, въ чемъ имѣли право упрекнуть ихъ? „Нѣтъ, отвѣчалъ народъ, ты не обижалъ насъ и не притѣснялъ и ничего ни у кого не взялъ“.... Этотъ судъ былъ поучителенъ для новой власти, возникшей надъ народомъ и имѣвшей предъ собою дурныя образцы у другихъ народовъ. Но переставши быть судіею, Самуиль не пересталъ быть пророкомъ Божиимъ, который имѣетъ нравственную власть надъ народомъ и надъ самимъ царемъ. Орудіемъ этой власти служить не физическая сила, не

(¹) Antiqu. Lib. VI. 3. 4.

мечъ, а сильное слово, подкрѣпляемое, когда нужно, знаменіями и чудесами. Самуиль счелъ теперь приличнымъ внушительно обнаружить предъ народомъ свой пророческій авторитетъ, чтобы онъ не забылся, не заслонился блескомъ царской власти. Когда царское правленіе стало уже совершившимся фактомъ, Самуиль еще разъ рѣшился выяснитъ для народнаго сознанія значеніе этого факта, чтобы народъ понялъ вполне, что такое *собственно* онъ сдѣлалъ, какія послѣдствія возможны изъ того, что сдѣлано безвозвратно, и чѣмъ можно предотвратить неблагопріятныя изъ нихъ. Несмотря на первый блестящій результатъ царскаго правленія, послужившій поводомъ къ настоящему торжеству, Самуиль строго обличаетъ и предостерегаетъ евреевъ; онъ держитъ рѣчь къ народу, сущность которой можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: вы сдѣлали великое зло предъ очами Господа, испросивъ себѣ царя. Вы прежде жили безъ царя, и спасались неоднократно отъ враговъ своихъ по милости Бога, именно, когда не забывали Его; а потомъ вдругъ потребовали царя для защиты отъ враговъ. Какъ будто царь самъ по себѣ можетъ спасти васъ! Вы обнаружили маловѣріе, упованіе больше на внѣшнюю силу, на копье и мечъ, а не на силу правды и добра. Знайте же, что какъ безъ царя вы спасались отъ враговъ только потому и только тогда, когда не уклонялись отъ Господа и служили ему отъ всего сердца вашего, такъ точно и при царѣ будетъ. Царская власть бессильна спасти васъ, какъ скоро въ васъ самихъ не будетъ внутренней нравственной силы. Если вы и царь вашъ будете ходить въ слѣдъ Господа Бога вашего, то васъ не постигнетъ зло; если же станете противиться повелѣніямъ Господа, то, будьте увѣрены, погибнете вы и царь вашъ. Что все, сказанное мною, справедливо, Господь подтвердитъ знаменіемъ. Смотрите, теперь время безжодія; но по моей молитвѣ Богъ дастъ громъ и дождь.... И

въ самомъ дѣлѣ, въ совершенно необычное время (¹) поднялась гроза; народъ пришелъ въ ужасъ и просилъ Самуила: „помолись о насъ Богу, чтобы мы не погибли; мы видимъ, что дѣйствительно сдѣлали зло“. Самуиль успокоилъ народъ, сказавъ, что средство спастись у нихъ—одно и то же, какъ прежде, такъ и теперь: не уклоняться отъ Иеговы, служить ему всемъ сердцемъ и не впадать въ идолопоклонство. Что же касается меня, говорилъ онъ, то я отнюдь не сдѣлаю грѣха сего, чтобы перестать молиться о васъ и указывать вамъ добрый и прямой путь... Такъ разстался съ народомъ еврейскимъ его послѣдній и величайшій судія. И надо сознаться, что какъ ни плохи были внѣшнія обстоятельства евреевъ подъ старость Самуила, однако они, помня его прежнія великія дѣла, не должны бы были приходиться въ отчаяніе и хвататься за обоюдоострое оружіе. Но малодушіе народа было такъ велико, а Самуилу оставалось жить такъ мало, что уступка народному желанію явилась необходимою. Она требовалась еще педагогическими цѣлями Провидѣнія, изъ которыхъ первую могла быть: вознести народъ на высшую степень внѣшняго, политическаго могущества (а этого народъ всего легче могъ достигнуть при царскомъ управленіи) и затѣмъ въ неизбѣжномъ паденіи показать, что истинное, негибнущее величіе и могущество обусловливается только нравственнымъ совершенствомъ.

Побѣда надъ аммонитянами дала евреямъ на нѣкоторое время относительное спокойствіе. Но Саулъ готовился къ новой борьбѣ, потому что притѣсненія отъ филистимлянъ становились невыносимы. Во второй годъ царствованія онъ имѣлъ уже три тысячи постоянного войска (²), изъ котораго двѣ тысячи дер-

(¹) Это было время жатвы пшеницы. 1 Цар. 12, 17. Жатва пшеницы въ Палестинѣ происходила въ маѣ мѣсяцѣ. Дожди тамъ бываютъ только зимой; съ половины же апрѣля до конца октября стоитъ засуха.

(²) До этого времени у евреевъ никогда не было постоянного войска; всякій разъ, когда нужно было воевать, собиралось ополченіе.

жалъ при себѣ въ Михмасѣ и на возвышенности Ве-
оильской — укрѣпленныхъ пунктахъ, защищавшихъ
сѣверозападную часть земли, не подпавшую еще подъ
власть филистимлянъ. — и одну тысячу поручилъ сыну
своему Ионаану защищать свою резиденцію, Гиву
Веніаминову, которая лежала уже въ области фили-
стимскихъ захватовъ, и въ ней (или вблизи ея, какъ
можно думать во избѣжаніе противорѣчія между 2 и
3 ст. гл. 13) ⁽¹⁾ находился наблюдательный фили-
стимскій отрядъ. Этотъ передовой постъ филистим-
скаго господства подъ самыми стѣнами царской рези-
денціи не могъ не возбуждать озлобленія въ евреяхъ.
Неизвѣстно въ которомъ году царствованія Саула,
можетъ быть въ томъ же второмъ, Ионаанъ, улу-
чивъ благоприятный моментъ, бросился на филистим-
лянъ и побилъ ихъ. Это послужило поводомъ къ фор-
мальной и опасной войнѣ съ филистимлянами. Саулъ
велѣлъ трубить тревогу по всей землѣ, а самъ не-
медленно отправился въ священный Галгалъ, куда
долженъ былъ стекаться народъ по обычаю и гдѣ
слѣдовало совершить нѣкоторые религиозные обряды
предъ выступленіемъ въ походъ. Филистимляне озло-

⁽¹⁾ По смыслу этихъ стиховъ выходитъ, что какъ будто и отрядъ
филистимскій и войско Ионаана нѣкоторое время мирно жили въ одной
и той же Гивѣ, что допустить трудно. Во избѣжаніе этого противорѣ-
чія Langhans думаетъ, что въ Гивѣ находился не охранный отрядъ фи-
листимлянъ, а просто былъ поставленъ столбъ, какъ знакъ филистим-
скаго господства, и что это ненавистное сооруженіе и разрушилъ Иона-
анъ и тѣмъ раздражилъ филистимлянъ. Handb. d. bibl. Gesch. u. Litter.
Th. I. s. 105. Дѣйствительно עֲמֻדָּה иногда значить: столбъ, статуя, напр.,
Быт. 19, 26 עֲמֻדָּה עֲמֻדָּה соляной столбъ. Болѣе основательною представ-
ляется догадка Эвальда, который думаетъ, что въ Гивѣ находился чи-
новникъ филистимскій, или приставникъ, сборщикъ податей съ евреевъ,
какъ данниковъ филистимлянъ, и что этого приставника и убилъ Иона-
анъ. Въ самомъ дѣлѣ слово עֲמֻדָּה значить и приставникъ, напр., 3 Цар.
4, 19. Gesch. d. Volk. Isr. B. 3. s. 44. Но и это толкованіе допустить
трудно: Филистимскій приставникъ не могъ жить одинъ среди евреевъ
хотя бы безъ малаго отряда воиновъ, и отрядъ этотъ не могъ оставаться
ни одной минуты въ Гивѣ по вступленіи въ нее Ионаана.

бились, собрали громадное ополченіе, вооруженное
по-тогдашнему наилучшимъ образомъ, такъ какъ боль-
шую часть войска составляли колесничники и всад-
ники, и заняли оставленную Сауломъ позицію въ
Михмасѣ. Что же касается евреевъ, то они были
далеко не въ такомъ счастливомъ настроеніи, какъ
передъ войною съ аммонитянами. Потому ли, что
война была начата не по единодушному взрыву на-
роднаго чувства, а по личнымъ соображеніямъ царя,
или потому, что громъ желѣзнаго оружія филистим-
лянъ наводилъ паническій страхъ на евреевъ, — вы-
шло такъ, что евреи упали духомъ: только часть ихъ
послѣдовала за Сауломъ въ Галгалъ, а наибольшая
масса спряталась въ пещеры, въ терновые кустар-
ники, въ ущелія горъ, въ башни и въ ямы; многие
бросились за Иорданъ, въ землю Гадову и Галаадъ.
Между тѣмъ лично съ Сауломъ произошло нѣчто еще
худшее: произошелъ открытый разрывъ между пред-
ставителемъ новой власти и стражемъ религиозной и
общественной (на строго-теократическихъ началахъ)
жизни — между Сауломъ и Самуиломъ. Этотъ разрывъ
былъ гибеленъ для Саула; потому что доброе согла-
сіе съ Самуиломъ было въ такой же мѣрѣ необхо-
димо для благополучія его царствованія, въ какой
необходимо было участіе Самуила при его воцареніи.
Какъ и по какому поводу произошло это печальное
событіе? Саулъ долженъ былъ ожидать Самуила въ
Галгалѣ 7 дней, по истеченіи которыхъ Самуилъ
имѣлъ прийти туда, принести обычныхъ жертвы и
благословить царя и войско на войну. Но мы ви-
дѣли, въ какомъ страхѣ были всѣ евреи предъ фили-
стимлянами; даже и тѣ, наиболѣе храбрые, которые
послѣдовали за Сауломъ въ Галгалъ, начали разбѣ-
гаться. Положеніе становилось, повидимому, опас-
нымъ. Но Саулъ тѣмъ не менѣе продолжалъ ждать.
Наступилъ 7-й день; Самуила нѣтъ. Тогда Саулъ рѣ-
шилъ не ждать болѣе ни часу, и такъ какъ безъ мо-
литвы всетаки не хотѣлъ выступить въ походъ, то

началъ *самолучно* приносить жертву ⁽¹⁾. Но вдругъ является Самуиль, упрекаетъ его въ неповиновеніи и изрекаетъ судъ: „теперь не устоять царствованію твоему: Господь найдетъ себѣ мужа по сердцу своему и повелитъ ему Господь быть вождемъ народа Своего; такъ какъ ты не исполнилъ того, что было повелѣно тебѣ Господомъ“.... Библейскій рассказъ кратокъ, передаетъ одни голые факты и можетъ привести въ недоумѣніе. Какъ? — такой страшный судъ: лишеніе потомственного престолонаслѣдія! И за что же? За то, что не исполнена какая-то формальность въ виду безспорно тѣсныхъ, угрожающихъ обстоятельствъ. По первому впечатлѣнію не представляется ли Самуиль слишкомъ придирчивымъ, а Саулъ почти или совсѣмъ невиновнымъ? Дѣйствительно, на поверхностный взглядъ представляется такъ, и рационалисты пользуются этимъ рассказомъ посвоему, чтобы подкрѣпить свой, какъ имъ кажется, оригинальный взглядъ на исторію евреевъ. Одинъ популяризаторъ рационалистическихъ взглядовъ, Альмъ, имѣя въ виду это событіе, говоритъ, что Саулъ, этотъ, по его мнѣнію, благородный и сильный характеръ, далеко лучший, чѣмъ излюбленный Давидъ, былъ настолько смѣлъ, что имѣлъ собственныя мнѣнія предъ лицомъ Самуила, и этою самостоятельностью съ самаго начала навлекъ на себя ненависть пророка ⁽²⁾. Бросать грязью въ возвышенныя библейскія личности и идеализировать людей, по прямому смыслу библейскихъ сказаній далеко небезупречныхъ, у Альма составляетъ задачу, которую онъ преслѣдуетъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла. Оставимъ его росхищаться Сауломъ и унижать Самуила, и рассмотримъ обстоятельно фактъ перваго печальнаго столкно-

⁽¹⁾ 1 Цар. 13, 9. «И безъ священника. Новая погрѣшность» — замѣчаетъ Филаретъ. Церковно-библейская исторія. Тоже думаетъ и Эвальдъ. Указ. соч. В. 3. s. 57.

⁽²⁾ Theologische Briefe. Leipz. 1862. В. 1. s. 371.

венія Саула съ Самуиломъ. Прежде чѣмъ открыть военныя дѣйствія, Саулъ долженъ былъ ждать Самуила 7 дней. Что это за условіе? Какое его происхожденіе и смыслъ ⁽¹⁾? Филаретъ, обращая вниманіе на происхожденіе разсматриваемаго условія, замѣчаетъ: „нѣкоторые думаютъ, что такое наставленіе дано было Саулу однажды на всѣ важные случаи (имѣется въ виду повелѣніе, данное Саулу послѣ тайнаго помазанія); иные — что на сей случай онъ имѣлъ особое повелѣніе“ ⁽²⁾. Было ли на этотъ случай особое повелѣніе, — это конечно чистое предположеніе; но что было повелѣніе въ этомъ смыслѣ на всѣ важные случаи, — это болѣе, чѣмъ простое предположеніе. Мы имѣемъ передъ собой 8 ст. 10 гл. 1 Цар., который въ томъ видѣ, какъ онъ обыкновенно читается въ переводахъ, представляется страннымъ, не имѣющимъ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, и который при надлежащемъ пониманіи его заключаетъ въ себѣ искомое повелѣніе. Нѣтъ никакого основанія не принять объясненіе этого стиха, данное лучшимъ изъ инославныхъ толкователей свящ. текста, Кейлемъ. Стихъ этотъ читается такъ: „и ты пойдѣ прежде меня въ Галгалъ, куда и я приѣду къ тебѣ... Седмь дней жди, доколѣ я не приѣду къ тебѣ, и тогда укажу, что тебѣ дѣлать“. По этому чтенію представляется, что Самуиль велѣлъ Саулу тотчасъ послѣ тайнаго помазанія идти въ Галгалъ и

⁽¹⁾ Вышеупомянутаго Альма здѣсь интересуется только число 7, и онъ, додумавшись еще ранѣе, что Самуиль былъ идолопоклонникъ, какъ и всѣ де евреи до времени послѣ плѣна вавилонскаго, утверждаетъ, что число 7 служитъ здѣсь доказательствомъ усилій Самуила утвердить въ евреяхъ почитаніе Сатурна (7-я планета)... Тамъ же, стр. 373. Поистинѣ, новѣйшіе якобы свободные мыслители поступаютъ совершенно такъ же, какъ нѣкогда обращались съ свящ. текстомъ книжники-раввины, которые, не обращая вниманія на общій смыслъ и духъ Писанія, упрямляли свое остроуміе только надъ отдѣльными фразами и словами и находили такимъ образомъ подтвержденіе своимъ самымъ чудовищнымъ теоріямъ.

⁽²⁾ Начертаніе Церковно-библ. исторіи. Изд. 7-е 1840 г. стр. 224.

тамъ ждать его. Но такой частный характеръ повелѣнія рѣшительно не вяжется ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, какъ думаетъ Кейль и какъ это для всякаго ясно. Въ ст. 7-мъ сказано: „когда эти знаменія сбудутся, тогда дѣлай, что можетъ рука твоя; ибо съ тобою Богъ“. Этими словами Самуиль предоставлялъ Саулу полную свободу дѣйствій, и если бы въ ст. 8-мъ слѣдовало повелѣніе сейчасъ же идти въ Галгалъ, то этимъ уничтожался бы смыслъ 7-го стиха. Съ другой стороны нужно бы было ожидать, что Сауль поидетъ въ Галгалъ и Самуиль придетъ туда для какого-то важнаго дѣла; между тѣмъ ничего подобнаго не случилось, — Самуиль созвалъ народное собраніе въ Массифѣ (ст. 17), затѣмъ послѣдовала война съ аммонитянами. Если бы кто-нибудь съ точки зрѣнія рационалистовъ на свящ. текстъ сказалъ, что сдѣланы пропуски и передъ 8-мъ стихомъ и послѣ него, то онъ долженъ бы былъ въ тоже время допустить, что свящ. повѣствователь (или собиратель записей, какъ выражаются рационалисты) лишенъ былъ способностей самаго посредственнаго рассказчика, даже болѣе—не обладалъ простымъ здравымъ смысломъ, если онъ такъ механически записывалъ, совершенно не думая о содержаніи того, что записываетъ. Но кто же съ этимъ согласится? Гораздо лучше устраняется затрудненіе тѣмъ пониманіемъ 8-го стиха, какое устанавливаетъ Кейль; онъ видитъ въ немъ условный смыслъ: когда Сауль поидетъ въ Галгалъ, то онъ долженъ тамъ ждать Самуила (¹). При такомъ пониманіи 8-й ст. не противорѣчитъ 7-му и не нуждается въ связи съ тѣмъ, что изложено въ послѣдующихъ стихахъ. Кейль думаетъ,

(¹) *Biblischer Commentar über d. Alt. Testament. Leipz. 1864. B. 2. Die Bücher Samuels. s. 75.* Кейль пытается обосновать такое пониманіе и на филологическихъ соображеніяхъ; но послѣднія едва ли могутъ имѣть рѣшающее значеніе, такъ какъ грамматика еврейскаго языка слишкомъ, такъ сказать, эмпирична и въ данномъ по крайней мѣрѣ мѣстѣ не можетъ дать солидныхъ основаній для положительнаго вывода.

что выраженное въ ст. 8-мъ требованіе имѣло частный характеръ, относилось къ тому, что долженъ былъ дѣлать Сауль именно передъ войною съ филистимлянами. Онъ предполагаетъ, что во время уединенныхъ бесѣдъ Самуила съ Сауломъ (9, 25) была рѣчь о неизбежной войнѣ съ филистимлянами и при разставаніи Самуиль напомнилъ Саулу объ этомъ, указавъ на Галгалъ, какъ на мѣсто собранія и взявъ съ Саула обязательство ждать его тамъ до 7 дней. Но кажется лучше думать, что требованіе, выраженное въ 8-мъ ст., имѣло общій характеръ, относилось ко всѣмъ случаямъ общегосударственной важности, когда требовалось народное собраніе и торжественное приготовленіе къ предпріятію (¹). При такомъ пониманіи пришлось бы допустить только самое легкое измѣненіе въ чтеніи 8-го стиха: и ты ходи (вмѣсто: иди) въ Галгалъ, куда и я буду приходить (вмѣсто: прииду)... и тогда буду указывать (вмѣсто: укажу) что тебѣ дѣлать. Трудно допустить, чтобы Самуиль сталъ дѣлать опредѣленные указанія относительно войны съ филистимлянами, когда Сауль еще не былъ представленъ народу и принять имъ, какъ царь. Гораздо естественнѣе предположить, что Самуиль дѣлалъ общія указанія, какъ Сауль, послѣ того какъ утвердился на престолѣ, долженъ будетъ поступать въ наиболѣе важныхъ обстоятельствахъ. Какъ бы то ни было, но мы видимъ, что требованіе Самуила ждать его въ Галгалѣ 7 дней, существовало. Очевидно, оно имѣло глубокой смыслъ и для Саула, и для Самуила, какъ представителей двухъ началъ общественной жизни. Сауль сталъ царемъ въ государствѣ, основы котораго были чисто еократическія, т. е., всѣ жизненные отправления этого государства опредѣлялись неизмѣннымъ божественнымъ закономъ, обычаемъ, воспитаннымъ или освященнымъ этимъ за-

(¹) Кейль хотя и не принимаетъ такого объясненія, но и не отрицаетъ его совершенно. Стр. 77.

кономъ, и авторитетомъ пророческаго слова, которое указывало правильное примѣненіе закона къ жизни и въ случаѣ нужды давало новыя указанія, недостающія въ законѣ. Никакимъ образомъ Саулъ не могъ мыслить себя абсолютнымъ монархомъ. Онъ не захватилъ власть силою, не завоевалъ ее мечемъ и потому не могъ пользоваться ею по произволу; онъ долженъ былъ имѣть ее столько, сколько было дано. Его положеніе было аналогично съ положеніемъ конституціоннаго монарха. Какъ послѣдній не можетъ мыслить себя выше конституціи, такъ и Саулъ не могъ несообразовать свое поведеніе съ основами теократіи, которыя должны были остаться неприкосновенными и при царскомъ правленіи. Кромѣ извѣстныхъ намъ изрѣченій закона, которыми опредѣлялся, такъ сказать, типъ еврейскаго царя на случай если бы онъ оказался у евреевъ, Саулъ имѣлъ предъ собою еще хартію, безъ сомнѣнія болѣе подробно опредѣлявшую его права и обязанности. Мы разумѣмъ тѣ „права царства“, которыя Самуилъ изложилъ предъ народомъ и царемъ въ Массифѣ, написалъ въ книгу и положилъ предъ Господомъ. Если этотъ документъ не сохранился для потомства, то это потому, что онъ легко могъ быть уничтоженъ царями, большинству которыхъ онъ не могъ нравиться; самъ же Саул могъ уничтожить его послѣ полнаго разрыва съ Самуиломъ въ одинъ изъ принадлежковъ бѣшенства. Хотя содержаніе этого документа намъ неизвѣстно; но имѣя въ виду то, что царская власть въ древности заключала въ себѣ опаснаго вообще, что Самуилъ старался поставить на видъ народу, когда усиливался отклонить его отъ мысли объ царѣ, — мы можемъ смѣло заключить, что въ этомъ документѣ весьма видное мѣсто было отведено постановленіямъ, клонившимся къ ограниченію возможнаго произвола царской власти, обезпечивавшимъ права священства и нѣкоторыя льготы всѣмъ вообще подданныхъ, вытекавшія изъ божественнаго закона и освященныя обычаемъ. Мо-

жетъ быть сюда же было включено и условіе: во всѣхъ случаяхъ общегосударственной важности обращаться къ Богу чрезъ пророка Вожія, котораго слѣдовало ожидать 7 дней. А если такъ, то Саулъ, не дождавшись Самуила въ Галгалъ для жертвоприношенія, нарушилъ не пустую формальность, а посягнулъ на неприкосновенность одного изъ органическихъ законовъ, предназначенныхъ поддерживать равновѣсіе между теократіею и монархіею. Самуилъ, стоявшій на сторонѣ теократіи, боявшійся болѣе всего, чтобы царь еврейскій не сдѣлался такимъ же деспотомъ, какими были многіе языческіе цари, не могъ оставить безъ энергическаго протеста поступокъ Саула, явно обнаружившій уже въ первомъ царѣ опасное поползновеніе къ самовластію. Если бы, напр., сѣверо-американцы по какому-нибудь случаю принуждены были преобразить своего президента въ конституціоннаго монарха; то мы легко можемъ вообразить, какую бы бурю они подняли, если бы ихъ новый монархъ какъ-нибудь соблазнился посягнуть на одинъ изъ параграфовъ конституціи. Не сказали ли бы они ему, подобно Самуилу: долой съ престола! Мы найдемъ себѣ человека по сердцу своему, который будетъ управлять нами и защищать нашу безопасность, а не угрожать ей.... Строгость Самуилова суда еще болѣе будетъ для насъ понятною, когда мы обратимъ вниманіе на частности Саулова поступка. То обстоятельство, что Саулъ ждалъ 7 дней и не захотѣлъ ждать нѣсколькихъ часовъ не только не уменьшаетъ его вину, но и увеличиваетъ. Если бы онъ пересталъ ждать двумя или тремя днями ранѣе и выступилъ въ походъ, то это можно бы было еще объяснить его убѣжденіемъ, что долѣе ждать нельзя въ виду затруднительныхъ обстоятельствъ; но послѣ седмидневнаго ожиданія нежеланіе подождать еще нѣсколько часовъ показывало, что Саулъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ (раздраженія), что онъ хотѣлъ какъ бы наказать пророка за его медлительность и неаккуратность.

Кромѣ того Саулъ осмѣлился самолично приносить жертву; на что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Это произволъ, вѣтъ не оправдываемый. Уронивши авторитетъ пророка, Саулъ шагнулъ далѣе — нарушилъ божественный законъ, предоставившій священнодѣйствіе лицамъ, особо на то поставленнымъ. Могъ ли поэтому Самуилъ не прийти въ ужасъ отъ тѣхъ послѣдствій, какія неизбѣжно имѣли произойти изъ поведенія новоизбраннаго царя на самыхъ первыхъ порахъ его царствованія? По всей справедливости онъ долженъ былъ принять всѣ мѣры къ устраненію зла, и первую изъ нихъ была пока угроза лишить потомство Саула правъ на престолъ, такъ какъ онъ имѣлъ оставить своему потомству примѣръ дурнаго царствованія, враждебнаго еократическому строю народной жизни. Угроза эта подтвердилась впоследствии самымъ дѣломъ — помазаніемъ новаго царя, когда Саулъ не только не исправилъ свое поведеніе, но и съ большею силою обнаружилъ строптивыя наклонности. Теперь же обстоятельства заставляли оставить Саула въ покоѣ, предоставивъ ему дѣлать то, что предписывали ему долгъ и совѣсть. Самуилъ удалился, не желая оставаться съ Сауломъ, а Саулъ поспѣшилъ противъ филистимлянъ.

Когда Саулъ пришелъ въ Гиву, ближайшій къ неприятельскому войску укрѣпленный пунктъ, то у него оказалось только около 600 воиновъ, вооруженныхъ первобытнымъ способомъ. Мечи были только у самого Саула и у его сына Ионаана. Между тѣмъ филистимляне, стоявшіе въ Михмасѣ, не ожидая нападенія горсти евреевъ и сами не предпринимая атаки на нихъ, рѣшились по тогдашнему обычаю войны разгромить и опустошить области, лишенныя защиты. Изъ общаго стана выдѣлились три отряда и по разнымъ направленіямъ двинулись чрезъ колѣно Вениаминово, опустошая его; такъ какъ на него были особенно озлоблены филистимляне за то, что оно именно съ своимъ царемъ противостояло имъ. Вслѣдствіе

этого, однако, сила филистимлянъ въ Михмасѣ была значительно ослаблена. Для наблюденія за неприятелемъ ихъ сторожевой отрядъ придвинулся къ долинѣ, отдѣлявшей михмасскую позицію отъ Гивы. Нужно сказать, что эта долина дѣлала почти невозможнымъ нападеніе ни съ которой стороны и всего менѣе со стороны филистимлянъ, главную силу которыхъ составляла конница. Долина ограничивалась съ обѣихъ сторонъ почти отвѣсно стоящими скалами, неприступными не только для конницы, но и для пѣхоты; и въ одномъ мѣстѣ сходящимися такъ близко, что между ними оставалось очень узкое ущелье. Последнее обстоятельство породило въ головѣ отважнаго Ионаана смѣлую мысль. Филистимляне были вполне увѣрены въ своей безопасности; Саулъ при ничтожности своихъ силъ не предпринималъ ничего съ своей стороны. Но его положеніе сдѣлалось бы въ высшей степени опаснымъ, если бы филистимскіе отряды, отдѣлившись для грабежа, возвратились и, обойдя долину, ударили на него соединенными силами. Ионаанъ безъ вѣдома отца отважился на предпріятіе, результаты котораго превзошли всѣ ожиданія. Въ сопровожденіи одного своего вѣрнаго и храбраго оруженосца онъ рѣшился сдѣлать неожиданное нападеніе на филистимлянъ и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Трудность перехода не страшилась его; напротивъ она содѣйствовала неожиданности его появленія предъ неприятелемъ. Для большаго обезпеченія успѣха онъ рѣшился предварительно вывѣдать настроеніе духа въ филистимскомъ отрядѣ: Онъ сказалъ оруженосцу: „перейдемъ къ нимъ и покажемъ имъ. Если они скажутъ намъ такъ: пождите, пока мы подойдемъ къ вамъ, — то останемся на своемъ мѣстѣ и не пойдемъ къ нимъ; если же такъ скажутъ: идите къ намъ, — то пойдемъ, потому что Господь предаль ихъ въ наши руки. Это будетъ для насъ знаменіемъ“. Это, какъ можно догадываться, означало вотъ что: если филистимляне, увидавшіе двоихъ евреевъ, ска-

жутъ: пождите, мы подойдемъ къ вамъ; то этимъ они обнаружатъ свою тревогу, свою бдительность, желаніе посмотрѣть—одни они или же за ними скрывается цѣлый отрядъ. Тогда Ионаѳану ничего не оставалось бы дѣлать, какъ удалиться. Если же филистимляне скажутъ: идите къ намъ, — то это будетъ означать безопасно-веселое настроеніе непріятеля, воображающаго себя въ совершенной безопасности, настроеніе, всего легче переходящее въ панику при неожиданномъ нападеніи. Тогда Ионаѳанъ имѣлъ бы ручательство въ успѣхѣ. Когда онъ съ оруженосцемъ показался филистимлянамъ изъ-за скалы узкаго ущелья, послѣдніе начали шутить: „вонъ, говорили они, евреи выползаютъ изъ норъ, въ которыхъ скрывались... Подите къ намъ; мы вамъ нѣчто скажемъ“. Очевидно филистимляне были въ веселомъ настроеніи; мысль объ опасности не приходила имъ въ голову, и они нисколько не встревожились при появленіи двухъ непріятелей. Тогда безстрашные евреи скрылись изъ глазъ филистимлянъ и поползли по выступаамъ скалъ, цѣпляясь руками и ногами, сначала внизъ, въ ущелье, а потомъ вверхъ, на сторону непріятеля. Поднявшись изъ ущелья и скрываясь, благодаря неровности почвы, они очутились на разстояніи пращнаго удара отъ безопасныхъ филистимлянъ. Искусные пращники, какъ всѣ вообще вѣніаминяне, Ионаѳанъ и его оруженосецъ внезапно осыпали филистимлянъ дождемъ камней. Прежде чѣмъ послѣдніе могли опомниться, двадцать изъ нихъ лежали уже мертвые, и смертоносные удары продолжали сыпаться. Филистимляне пришли въ ужасъ и вообразили, что по безопасности они подпустили цѣлый отрядъ непріятеля, ударились въ дикое бѣгство, произвели страшный переполохъ въ лагерьъ при Михмасѣ, и паника овладѣла всѣми филистимлянами. Люди, имѣвшіе случай наблюдать панику, распространяющуюся въ толпѣ, не могутъ безъ удивленія говорить, какое безуміе овладѣваетъ перепуганными людьми. Поэтому мы не находимъ ничего

невѣроятнаго въ словахъ дѣписателя, замѣтившаго, что филистимляне поднимали другъ на друга мечи. Случается нерѣдко, что во время дикаго бѣгства съ поля сраженія болѣе благоразумные и храбрые, желая остановить бѣгущихъ, обнажаютъ мечи; но бѣгущіе могутъ очищать себѣ путь тоже мечемъ, и такимъ образомъ свои своихъ побиваютъ. Смятенію и ужасу филистимлянъ содѣйствовало еще то обстоятельство, что въ ихъ войскѣ было много евреевъ, принужденныхъ противъ воли выйти на войну противъ своихъ соотечественниковъ. Эти евреи, ободренные благоприятнымъ оборотомъ дѣла, обнажили мечи противъ своихъ утѣснителей, вооружившихъ ихъ этими мечами для истребленія братьевъ. Даже и тѣ евреи, которые въ началѣ нашествія въ страхѣ попрятались въ ущелья и ямы, теперь выскочили и устремились на бѣгущихъ филистимлянъ. Само собою понятно, что Саулъ, какъ только замѣтилъ проишествіе, бросился съ своимъ войскомъ довершать пораженіе и преслѣдовалъ непріятеля отъ Михмаса до Аіалона ⁽¹⁾, на разстояніи 20 верстъ. Разгоряченный битвою Саулъ, какъ воинъ по призванію, и потому склонный доходить до излишней суровости, до непосильныхъ требованій отъ подчиненныхъ, запретилъ всякую остановку и отдыхъ даже для подкрѣпленія пицею до вечера. Запрещеніе сопровождалось неосторожною клятвою предать смерти всякаго нарушителя, хотя благоразуміе и должно было говорить, что въ пылу преслѣдованія непріятеля воля царя не могла сдѣлаться всѣмъ извѣстною. Здѣсь уже выразилась натура Саула, стремительная, своенравная, деспотическая и лишенная спокойнаго благоразумія, а также сердечности. Результатомъ было во-первыхъ то, что клятва была нарушена и именно тѣмъ, кто всего болѣе думалъ о преслѣдованіи непріятеля, всего болѣе

⁽¹⁾ Городъ въ колѣнѣ Давомъ, 1. Навина 19, 42; недалеко отъ Никонолса, Eusebii Onomasticon.

содѣйствовалъ поражению, но относился къ дѣлу благороднѣе царя — сыномъ его Ионааномъ, героемъ дня. Во-вторыхъ съ наступленіемъ вечера изголодавшійся народъ съ остервененіемъ бросился на добычу, на мелкій и крупный скотъ, и предался кровавой ѣдѣ почти сырого, дымящагося мяса въ противность прямому постановленію закона. Для прекращенія безпорядка Саулъ принужденъ былъ лично наблюдать за надлежащимъ приготовленіемъ каждаго животнаго для ѣды. Отклонивъ народъ отъ кроваваго яденія животныхъ, Саулъ самъ еще жаждалъ крови филистимлянъ. Онъ вознамѣрился снова ударить въ погоню ночью и не оставить въ живыхъ ни одного непріятеля, Народъ не противорѣчилъ. Но первосвященникъ, бывший тутъ, задержалъ рвеніе царя: „приступимъ, сказалъ онъ, здѣсь къ Господу“. Это значило, что нужно было получить знаменіе чрезъ „уримъ и туммимъ“⁽¹⁾. Когда же послѣ надлежащихъ приготовленій предложенъ былъ вопросъ: идти ли въ погоню за филистимлянами, то отвѣта не послѣдовало. Саулъ принялъ это за выраженіе гнѣва Божія и объяснилъ себѣ его тѣмъ, что кто-нибудь нарушилъ его заклятіе; но едвали справедливо. Сомнительно, чтобы Богъ прогнѣвался за нарушеніе въ сущности безумной клятвы. Скорѣе нужно думать, что Богъ неблаговолиительно отнесся къ намѣренію Саула продолжать уже бесполезное теперь кровопролитіе и безцѣльное утомленіе народа, такъ какъ врагъ былъ уже безвреденъ. (Если же врагъ и не былъ пораженъ вполне, то опять-таки по винѣ Саула, благодаря его неумѣстному заклятію, какъ это сейчасъ будетъ видно изъ словъ Ионаана). Тѣмъ не менѣе Саулъ, упорствуя въ своемъ мнѣніи, воображая, что его заклятіе имѣло высокую цѣну въ очахъ Божіихъ, приступилъ къ изслѣдованію, которое

⁽¹⁾ Что такое «уримъ и туммимъ» и какъ чрезъ него получались знаменія—объ этомъ существуетъ множество предположеній; но въ сущности эти вопросы остались неразрѣшанными.

обнаружило, что нарушителемъ клятвы былъ Ионаанъ. Дѣло въ томъ, что Ионаанъ, почувствовавъ истощеніе силъ во время преслѣдованія, съѣлъ немного великолѣпнаго дикаго меду, который онъ случайно нашелъ въ лѣсу и который удивительно возстановилъ его силы. Когда же ему сказали, что онъ нарушилъ клятву, положенную его отцомъ, онъ отвѣчалъ: „смутить отецъ мой землю; смотрите, у меня просвѣтлѣли глаза, когда я ѣкусилъ немного этого меду. Если бы поѣлъ сегодня народъ изъ добычи, какую нашелъ у враговъ своихъ, то не большее ли было бы пораженіе филистимлянъ?“ Ионаанъ соединялъ пылкую храбрость съ разсудительностію; но у его отца сколь много было первой, столь мало послѣдней, и потому ему приходилось теперь принести жертву, которая была дороже его самого. Упорствуя до конца и, можетъ быть, подавляя въ себѣ естественное родительское чувство горделивымъ представленіемъ славы неподкупнаго правосудія и нечеловѣческой твердости, Саулъ обрекаетъ сына на смерть. Но если разумъ лица способенъ часто помрачаться, то разумъ народа очень рѣдко, а можетъ быть и никогда. Народъ единодушно воскликнулъ: „Ионаану ли умереть, который доставилъ столь великое спасеніе Израилю? Да не будетъ этого! Живъ Господь; и волосъ не упадетъ съ головы его на землю, ибо съ Богомъ онъ дѣйствовалъ нынѣ“. Саулъ, неспособный покоряться разуму, принужденъ былъ покориться силѣ, и Ионаанъ былъ спасенъ.—Филистимляне, потерпѣвши сильное пораженіе, на нѣкоторое время оставили евреевъ въ покоѣ. Но Саулъ не въ состояніи былъ сокрушить ихъ силу настолько, чтобы перейти въ наступленіе и заставить ихъ покорно сложить оружіе; напротивъ онъ самъ долженъ былъ постоянно обороняться противъ нихъ: „и была, сказано, упорная война противъ филистимлянъ во все время Саулово“. Несмотря на то, Саулъ нашелъ возможность и время помѣряться силами еще съ другими сосѣдями, которые хотя и не были столь

же близки и назойливы, какъ филистимляне, но никогда не имѣли дружественныхъ чувствъ къ евреямъ. Свящ. лѣтопись кратко упоминаетъ, что Саулъ воевалъ съ моавитянами, аммонитянами, идумеянами и съ царями Собы (въ Сиріи), и всѣхъ побѣждалъ.

Счастливыя войны, обогатившія Саула добычею и покрывшія его славою, высокое, исключительное положеніе и всеобщее повиновеніе и угожденіе сильно измѣнили его сравнительно съ тѣмъ, какъ мы его видѣли въ началѣ царствованія. Мало-по-малу Саулъ оставлялъ первоначальную простоту своей жизни: онъ уже не только не пахалъ землю, что очень естественно, но и становился на ступень, высшую той, на которой обыкновенно находились судіи,—онъ стремился быть только владыкою и повелителемъ, а не исполнителемъ дѣлъ, какъ бы возвышенны они ни были. Извѣстно, что судія былъ прежде всего военачальникъ, спасавшій побѣдою надъ врагами народъ отъ рабства. Саулъ же нашелъ болѣе удобнымъ не предводительствовать войскомъ лично, а возложить эту обязанность на другое лицо; онъ сдѣлалъ военачальникомъ своего двоюроднаго брата Авенира ⁽¹⁾. Для исполненія царской воли по разнымъ отраслямъ управленія и для наблюденія за личными интересами царя появился штатъ приближенныхъ, излюбленныхъ людей. Благополучіе этихъ людей было тѣсно связано съ личностію царя, и его воля, къ чему бы она ихъ ни обязывала, была для нихъ закономъ. Въ свящ. текстѣ они выразительно названы „слугами“, потому что ближайшіе исполнители воли царя, приближавшагося къ обыкновенному типу восточныхъ владыкъ, сколь бы ни была важна ихъ служба съ общегосударственной точки зрѣнія, — предъ лицомъ царя въ сущности дѣйствительно только слуги. Саулъ получилъ привычку окружать себя этими слугами въ торжественныхъ случаяхъ, напр., на праздничныхъ обѣ-

⁽¹⁾ 1 Цар. 14, 31.

дахъ, и строго наблюдалъ, чтобы они своевольно не нарушали установленнаго церемоніала и въ указанное время являлись всѣ на лицо ⁽²⁾. Такимъ образомъ появился придворный этикетъ, столь любимый пышными властителями востока. Нужно замѣтить при этомъ, что почти всѣ приближенные Саула были его ближайшіе соплеменники, вениаминяне ⁽³⁾. Хотя и было естественно, что царь изъ колѣна Вениаминова предпочиталъ своихъ земляковъ и довѣрялъ имъ болѣе, чѣмъ лицамъ изъ другихъ колѣнъ; однако такое ограниченіе выбора государственныхъ дѣятелей отличало узкій взглядъ царя на свои обязанности. Очевидно, онъ выбиралъ не самыхъ способныхъ и полезныхъ для государства, а наиболѣе преданныхъ ему лично, наиболѣе заинтересованныхъ династическимъ вопросомъ, тѣсно связаннымъ съ преимуществами колѣна. Онъ даже не стѣснялся открыто опираться на силу землячества. Разъ въ страхѣ передъ Давидомъ онъ съ упрекомъ спрашивалъ слугъ своихъ: „послушайте сыны Вениаминовы: неужели всѣмъ вамъ дастъ сынъ Иессея поля и виноградники и всѣхъ васъ поставитъ тысяченачальниками и сотниками“ ⁽⁴⁾? Т. е., развѣ у него будетъ такой же интересъ, какъ у меня, отличать васъ передъ всѣми и опираться на васъ? Онъ будетъ предпочитать своихъ земляковъ точно такъ же, какъ и я.... Но узкое предпочтеніе земляковъ не столь еще опасно, какъ приближеніе царемъ иностранцевъ. Хотя придворная жизнь вообще способна перерождать человѣка, дѣлать изъ гражданина только слугу, и только самыя сильныя натуры могутъ противиться ея обаянію, однако приближенный къ царю изъ своего народа никогда не теряетъ всѣхъ точекъ соприкосновенія съ своимъ народомъ, сила національнаго чувства иногда удерживаетъ его отъ дѣйствій,

⁽¹⁾ 1 Цар. 20, 24—27.

⁽²⁾ 22, 7.

⁽³⁾ Тамъ же.

грубо попирающихъ права народа, хотя бы они (дѣйствія) и нравились деспотизму царя. Совсѣмъ иное дѣло въ этомъ случаѣ иностранецъ: онъ является совершеннойшею креатурою царя; онъ привязанъ только лично къ царю, а съ народомъ у него нѣтъ ничего общаго. Онъ бываетъ самымъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ деспота; нѣтъ никакого порученія, котораго онъ не въ состояніи былъ бы исполнить, и его услугами обыкновенно пользуются тамъ, гдѣ нельзя разсчитывать на національнаго слугу, т. е., въ дѣлахъ, явно оскорбляющихъ права и честь народа. Хотя въ выборѣ Сауломъ приближенныхъ мы видѣли напротивъ узко-національный мотивъ, вліяніе землячества, что такъ же обнаруживало его большую заботу объ личныхъ, чѣмъ объ общенародныхъ интересахъ, однако и у него была уже попытка найти вѣрнаго слугу въ иностранцѣ, что очень естественно, потому что эти двѣ крайности вытекали у него изъ одного побужденія⁽¹⁾. Онъ поставилъ нѣкоего Доика, идумеянина, начальникомъ своихъ пастуховъ⁽²⁾ — должность хотя и не относящаяся къ собственно государственнымъ дѣламъ, но тѣмъ не менѣе придворная и, по тогдашней неотдѣлимости придворнаго отъ государственнаго, лично-царскаго отъ общенароднаго — важная. Этотъ Доикъ не замедлилъ получить при дворѣ важное значеніе. Въ тревожномъ придворномъ совѣтѣ, который Саулъ держалъ по поводу бѣгства Давида, подозрѣвая противъ себя заговоръ, Доикъ уже „стоялъ подлѣ слугъ (т. е. сановниковъ) Сауло-

(1) Хотя между дѣятелими, окружавшими Давида, тоже были иностранцы, однако его совершенно невозможно заподозрить въ узкихъ побужденіяхъ, какія несомнѣнно руководили Сауломъ. Во-первыхъ въ выборѣ людей Давидъ былъ вполне безпристрастенъ; всѣ колѣна были для него равны, и колѣно Іудино, къ которому онъ самъ принадлежалъ, не имѣло въ этомъ случаѣ никакого преимущества. Во-вторыхъ его иностранцы оставили по себѣ память только доблестями, какъ напр. Урія хеттеянинъ.

(2) 1 Царств. 24, 7.

выхъ“ и принималъ дѣятельное участіе⁽¹⁾. А когда по его извѣсту Саулъ осудилъ на смерть 85 священниковъ, и слуги Саула не рѣшились исполнить безбожное повелѣніе царя, Доикъ охотно взялъ на себя обязанность палача и успѣшно выполнилъ ее. Наконецъ Саулъ обнаружилъ явное стремленіе организовать постоянное войско. Конечно это стремленіе было естественно; существенная польза, какую евреи могли получить отъ царя, заключалась въ томъ, что онъ могъ успѣшно бороться съ внѣшними врагами, которыхъ у евреевъ было много. Но не надобно забывать, что постоянное войско у царя въ древности было орудіе обоюдоострое. Служа защитою государства отъ внѣшнихъ враговъ, оно въ тоже время обыкновенно было вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ царя превратить подданныхъ въ безответныхъ рабовъ. Нужно замѣтить, что не столь опасно для народной свободы войско въ собственномъ смыслѣ, составляемое по опредѣленнымъ правиламъ рекрутской повинности, потому что оно всегда сохраняетъ болѣе или менѣе солидарность съ народомъ, сколько та излюбленная дружина, которою любятъ окружать себя воинственные владетели въ родѣ Саула. Эта дружина, дѣлающаяся предметомъ заботливаго вниманія со стороны властителей, беззавѣтно привязывается къ ихъ личности, теряетъ патріотизмъ въ широкомъ смыслѣ, и дружинники дѣлаются слугами царя, но не отечества. И о Саулѣ сказано, что онъ „увидѣвъ какого-либо человѣка сильнаго и воинственнаго, бралъ его къ себѣ“⁽²⁾. Самуилъ, изучившій характеръ и наклонности Саула и зорко слѣдившій за всѣми его дѣйствіями и нововведеніями, не могъ обманываться на счетъ значенія вышеизложенныхъ особенностей поведения Саула послѣ войны съ филистимлянами. Хотя въ текстѣ Библии указаніе на нѣкоторые факты, которые послужи-

(1) 1 Цар. 22, 9.

(2) 14, 52.

ли намъ здѣсь для характеристики поведенія Саула, находится въ изложеніи позднѣйшей исторіи Саула, но это не значитъ, что и самые факты не имѣли мѣста въ болѣе раннее время. Такъ предпочтеніе вениаминянъ способнымъ людямъ изъ другихъ колѣнъ имѣло мѣсто безъ сомнѣнія на самыхъ первыхъ порахъ, и если намекъ на это мы видимъ уже послѣ того, какъ Давидъ выступилъ на сцену, то это значитъ только, что лѣтописцу представился случай дать указаніе на это именно здѣсь. Иностранецъ Доикъ (идумеянинъ), упоминаемый тоже позднѣе разсматриваемаго нами времени, могъ сдѣлаться придворнымъ еще до войны съ амаликитянами, вѣроятно непосредственно послѣ войны съ идумеянами. Такимъ образомъ всѣ признаки стремленія къ неограниченному самовластію Сауль могъ обнаружить вскорѣ послѣ счастливыхъ войнъ съ филистимлянами, моавитянами, идумеянами и сиріянами, и Самуилъ съ тревогой увидаль приближеніе военного деспотизма, грозившаго подавить и священство, и пророчество, и религіозное воспитаніе народа.

Сауль повидимому почиваль на лаврахъ, окруженный толпою приверженцевъ и слугъ, смотрѣвшихъ ему въ глаза и ожидавшихъ, не дастъ ли царь кому-нибудь поля или виноградника, или не назначитъ ли кого тысяченачальникомъ либо стоначальникомъ; а его отборное войско проводило праздную жизнь, внушая трепетъ не врагамъ отечества, а мирнымъ гражданамъ, для которыхъ оно составляло новое и необычайное явленіе. Со стороны филистимлянъ вѣроятно было временное затишье. Чтобы отвлечь царя отъ искушенія только господствовать, не чувствуя бремени правленія, чтобы праздное войско Саула было при дѣлѣ, для котораго назначалось, не превращалось бы въ орудіе стремленій царя, не имѣющихъ ничего общаго съ народнымъ благомъ, Богъ послалъ Самуила напомнить Саулу предписаніе закона (1) объ

(1) Второз. 25, 17—19.

истребленіи амаликитянъ, злыхъ враговъ еврейскаго народа. Истребить амаликитянъ было дѣло не легкое; они еще сохраняли привычки кочеваго народа, держались вблизи пустыни, находя здѣсь богатый источникъ существованія въ грабежѣ на большомъ караванномъ пути съ береговъ Евфрата въ Египетъ. Повидимому превращаясь въ осѣдлыхъ, они сдѣлали центромъ своего обитанія мѣстность, примыкавшую къ южной границѣ Палестины, потому что Библия говоритъ о „городѣ“ амаликитянъ, находившемся тутъ (1). Путь къ нимъ былъ пустынный и гористый, а сами они отличались воинственнымъ духомъ. Мечъ ихъ царя Агага, по словамъ Самуила, жень липаль дѣтей. Въ пророчествѣ Валаама Агагъ указывается, какъ могущественный царь, по сравненію съ которымъ опредѣляется могущество и величіе будущаго еврейскаго царя (2). Однако Сауль охотно принялъ на себя трудъ помѣряться силами съ такимъ противникомъ, но очевидно болѣе потому, что это соответствовало его воинственнымъ наклонностямъ и стремленію къ славѣ побѣдителя, чѣмъ потому, что онъ расположенъ былъ въ точности исполнять предписанія закона, какъ показали послѣдствія. Стянувши ополченіе въ Телаимъ, городъ на южной границѣ колѣна Іудина (3), Сауль двинулся къ предѣламъ неприятельской земли съ 210,000 войска. Онъ сначала отвлекъ отъ союза съ амаликитянами кинеевъ мадианскаго племени и тѣмъ ослабилъ своихъ враговъ. Затѣмъ онъ выбилъ ихъ изъ укрѣпленія и преслѣдовалъ „отъ Хавилы до окрестностей Сура, что предъ Египтомъ“ (4). Царя Агага Сауль взялъ въ плѣнъ, а всѣхъ, кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ, предаль

(1) 1 Цар. 15, 5.

(2) Числ. 24, 7.

(3) 1. Нав. 15, 24.

(4) Хавила—мѣстность неизвѣстная. Суръ — часть Аравійской пустыни, прилегающая къ Египту. Быт. 16, 7.

смерти. По заповѣди Самуила онъ долженъ былъ Агага убить и истребить все, что принадлежало амаликитянамъ, не унося отъ нихъ никакой добычи. (По закону царь евреевъ не долженъ былъ чрезмѣрно обогащаться, и истребительная война противъ амаликитянъ должна была служить пробнымъ камнемъ для Саула и въ этомъ отношеніи). Но Саулу казалось пріятнѣе держать Агага въ плѣну, какъ живой памятникъ своей славы, и онъ не умертвилъ его. Народъ, для котораго плѣнникъ не имѣлъ никакого значенія, ничего не имѣлъ противъ этого, такъ какъ Сауль сколько для себя, столько и въ угоду народу изъ добычи истребилъ только то, что было похуже; все же наиболѣе цѣнное сохранилъ и взялъ съ собою. На возвратномъ пути онъ озабочился воздвигнуть себѣ памятникъ (вѣроятно высокій камень съ надписью) въ Кармилѣ, городѣ колѣна Іудина. Когда Богъ открылъ Самуилу все это, онъ увидаль, что на исправленіе Саула нѣтъ никакой надежды, что бѣдствіе для народа Божія въ лицѣ строптиваго царя неотвратимо зрѣтъ, и онъ цѣлую ночь молился Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ его, какъ нужно поступить, что предпринять противъ царя, который успѣлъ сдѣлаться могущественнымъ и волю пророка презиралъ. Молитва не осталась безплодна. Наутро Самуиль съ рѣшимостію пошелъ навстрѣчу Саулу, который направлялся въ Галгалъ, чтобы тамъ торжествовать побѣду. Встрѣтивши Самуила, Сауль старался быть, насколько могъ, почтительнымъ, чтобы избѣгнуть публичнаго обличенія, которое испортило бы торжество побѣды. „Благословенъ ты у Господа, говорилъ онъ Самуилу, я исполнилъ слово Господа“. Но ложь его громко обличалась блеяніемъ овецъ и мычаніемъ крупнаго скота, взятыхъ у амаликитянъ, какъ лучшая добыча. Самуиль упрекнулъ его въ неисполненіи воли Божіей: „ты бросился, говорилъ онъ, на добычу и сдѣлалъ зло предъ очами Господа“. Сауль пробовалъ оправдываться, то ссылаясь на желаніе народа, то

предлогомъ благочестія—намѣреніемъ принести жертву Богу изъ лучшей добычи; въ объясненіе же того, почему пощадилъ Агага, ничего не могъ сказать. Самуиль ясно видѣлъ фальшивость увѣреній Саула, и его глубоко возмутило то, что царь конюнктвенно пользуется предписаніемъ закона приносить Богу жертвы, какъ средствомъ прикрыть неблаговидность своего поступка. Поэтому онъ съ силою разоблачилъ софизмъ царя, объяснивши, какое значеніе имѣютъ жертвы по духу закона, а не по буквѣ: „неужели, говорилъ онъ, всесоженія и жертвы столько же пріятны Господу, какъ послушаніе гласу Господа? Послушаніе лучше жертвы и повиновеніе лучше тука оновъ. Ибо непокорность есть такой же грѣхъ, что волшебство, и противленіе тоже, что идолопоклонство“. Заключение же словъ пророка было таково: „за то, что ты отвергъ слово Господа, и Онъ отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ“. Сауль казался пораженнымъ и кающимся, но продолжалъ оправдываться будто бы страхомъ передъ народомъ. Когда же Самуиль, считая все поконченнымъ между нимъ и царемъ, вознамѣрился уйти, Сауль съ такой непочтительной стремительностію ухватился за его одежду, что она разорвалась. Но не потому Сауль такъ энергично удерживалъ пророка, что искренно раскаявался и не желалъ совершеннаго разрыва съ нимъ, а потому только, что при настоящемъ случаѣ желалъ избѣжать неловкаго, непріятнаго положенія предъ лицомъ старѣйшинъ и народа, и потому, когда онъ откровенно сознался въ этомъ, пророкъ, цѣня и такую откровенность, остался для принесенія жертвъ Іеговѣ. Такъ какъ Сауль, несмотря на кажущееся раскаяніе и какъ бы подчиненіе авторитету пророка, ни словомъ не упомянулъ объ Агагѣ, явно имѣя намѣреніе сохранить ему жизнь, то пророкъ самъ рѣшился всенародно исполнить то, что долженъ былъ сдѣлать царь, но не хотѣлъ. Онъ велѣлъ привести къ себѣ Агага. Царь амаликитянъ, уже переставшій было

опасаться за свою жизнь, былъ пораженъ строгимъ видомъ пророка и потому съ трепетомъ ⁽¹⁾, но и съ тайною надеждою сказалъ ему: „конечно горечь смерти миновалась“?—т. е., царь пощадилъ меня въ тотъ моментъ, когда взялъ меня въ плѣнъ и когда я долженъ бы былъ испытать горечь смерти; теперь же вѣроятно опасность миновалась? Но Самуиль, напомнивши ему его жестокости, собственноручно разсѣкъ его предъ жертвенникомъ. Послѣ этого Самуиль отправился въ свое мѣстопребываніе, въ Раму, а Саулъ въ свою столицу, Гиву. И прекратилъ Самуиль свои сношенія съ Сауломъ навсегда.

Отселѣ исторія Саула идетъ наряду съ исторіею преемника его Давида. Но первый представлялъ собою меркнувшее, склоняющееся къ западу свѣтило, а второй всходилъ яркой звѣздой, которая блестя тѣмъ сильнѣе, чѣмъ темнѣе были тучи, покрывавшія ея востокъ. Самуиль въ своемъ уединеніи продолжалъ заботиться о дальнѣйшихъ судьбахъ царства; но на исправленіе Саула не было уже никакой надежды. Что могъ сдѣлать пророкъ съ могущественнымъ царемъ, который свою волю ставилъ выше всего и хотя еще не рѣшался употребить насиліе противъ тѣхъ, кто не одобрялъ его поведенія, но явно стремился утвердить порядокъ дѣлъ, совершенно противный основнымъ началамъ теократіи, заключавшимъ въ себѣ вѣрнѣйшій залогъ народнаго преуспѣянія. Возврата къ старому уже не было; Самуиль не могъ свергнуть Саула съ престола и снова взять правленіе въ свои руки. „И плакалъ, сказано, Самуиль о Саулѣ“, т. е., скорбѣлъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя имѣлъ навлечь на народъ Божій Саулъ своимъ царствованіемъ, скор-

(1) 1 Цар. 15, 32. Слово *תָּרַח* по своему коренному значенію ничего не можетъ означать, кромѣ радости, удовольствія, и потому чрезвычайно затрудняетъ толкователей, читающихъ исключительно по еврейскому тексту. Греческое *τρέμων* — дрожащій какъ нельзя болѣе соответствуетъ даннымъ обстоятельствамъ. Вѣроятно въ еврейскомъ спискѣ, который имѣли предъ собою LXX, стояло другое слово.

бѣлъ до тѣхъ поръ, пока Богъ не научилъ его, что нужно дѣлать. Саула нужно было оставить царствовать до конца его жизни. Но его потомство не должно было ему наследовать; потому что оно неизбежно стало бы держаться той же системы, которую стремился утвердить Саулъ. Самъ благородный Ионаанъ не въ состояніи былъ бы уничтожить, напр., то зло, которое заключалось въ привилегированномъ положеніи вѣніаминянъ, созданномъ Сауломъ по чисто личнымъ расчетамъ и побужденіямъ и грозившемъ повлечь за собою соперничество и распри между колѣнами. Съ другой стороны нужно было немедленно избрать преемника Саулу для того, чтобы народъ заранѣе зналъ его, привыкъ считать его будущимъ царемъ и не отнесся къ нему по смерти Саула съ пренебреженіемъ, какъ къ человѣку неизвѣстному, а также для того, чтобы Саулъ, увидавъ соперника себѣ, почувствовалъ, что осуществленію его замысловъ положена неодолимая преграда, и потерялъ бы охоту преслѣдовать свои суетныя цѣли съ прежнею настойчивостію. Само собою понятно, что преемникъ Саула, съ избраніемъ котораго связывались надежды на лучшую будущность народа, государства и религіи, обладая лучшими качествами Саула, долженъ былъ еще обладать достоинствами, противоположными недостаткамъ Саула. Что онъ былъ выше Саула, это показываетъ уже самая исторія избранія его. На этотъ разъ царь евреевъ долженъ былъ происходить изъ колѣна Иудина, этого могучаго колѣна, которое съ избыткомъ обладало дарами и энергіею истинно-еврейскаго національнаго духа. Центръ тяжести еврейской исторіи перешелъ въ это колѣно (прежде онъ находился въ колѣнѣ Ефремовомъ, потомъ въ Вѣніаминовомъ) и удержался въ немъ до конца, какъ это и было предсказано патріархомъ Иаковомъ ⁽¹⁾. Въ незначительномъ городѣ этого колѣна, Вилеемѣ, жилъ родови-

(1) Быт. 49, 10.

тый человекъ Иессей, внукъ богатаго Вооза, женившася на моавитянкѣ Руѳи, и прямой потомокъ Наассона, бывшаго княземъ Иудина колѣна при Моисеѣ (1). Между многочисленными сыновьями этого знатнаго по происхожденію еврея Самуиль и получилъ отъ Бога повелѣніе искать новаго царя для евреевъ. Приступая къ дѣлу, Самуиль долженъ былъ соблюдать величайшую тайну, потому что, какъ онъ не безъ основанія думалъ, Саулъ могъ убить его. Самуиль конечно не боялся смерти; но онъ боялся тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя проистекли бы изъ безумнаго поступка царя. Взрывъ народнаго негодованія не имѣлъ бы границъ: не только самъ Саулъ погибъ бы, но и все его поколѣніе, послѣ чего народъ оказался бы въ самомъ безпомощномъ анархическомъ положеніи. Подъ предлогомъ своихъ обычныхъ путешествій въ разные города для общественнаго жертвоприношенія Самуиль отправился въ Виледемъ. Потому ли, что неожиданныя посѣщенія пророка обусловливались большею частію необычайными событіями и притомъ тревожнаго характера, или потому, что напряженное состояніе, роковая борьба между пророческимъ и царскимъ могуществомъ чувствовалась всѣми, слѣдившими за положеніемъ дѣлъ и опасавшимися тяжелыхъ напряженій и смутъ,—старѣйшины города посѣщили выйти навстрѣчу пророку и съ трепетомъ спросили: „съ миромъ ли идешь къ намъ“? Пророкъ успокоилъ ихъ, давши понять, что ничего особеннаго не случилось, и пригласилъ ихъ приготовиться къ жертвоприношенію. Иессей приглашенъ былъ явиться съ своими сыновьями. По ходу разказа не видно, но необходимо предполагать, что послѣ всенароднаго жертвоприношенія Самуиль отправился обѣдать въ домъ Иессея, чтобы совершить тамъ то, что должно было пока составлять тайну одного семейства. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, про-

(1) 1 Пар. 2, 10. Числ. 1, 7.

рокъ велѣлъ представить ему поодиночкѣ всѣхъ сыновей. Когда предсталъ старшій изъ нихъ Елиавъ, видный и рослый мужчина, напоминавшій собою богатыря-Саула, Самуиль одну минуту подумалъ, что онъ именно достоинъ быть царемъ. Но какая была бы польза теперь отъ другаго Саула? Обстоятельства были совсѣмъ иныя, и царь требовался иной. И слышитъ Самуиль своимъ пророческимъ духомъ слово Господне: не смотри на видъ его и на величину роста его; ибо Я смотрю не на то, на что смотритъ человекъ,— человекъ смотритъ на лицо, а Господь смотритъ на сердце... Послѣ этого были представлены еще шесть сыновъ, и ни въ одномъ изъ нихъ Самуиль не нашелъ того, чего искалъ. Онъ пришелъ въ недоумѣніе и спросилъ Иессея: развѣ здѣсь всѣ твои дѣти? А у Иессея былъ еще сынъ, самый младшій, котораго въ семьѣ считали еще до того молодымъ, что не находили нужнымъ привлекать его къ участию въ сколько-нибудь важныхъ семейныхъ дѣлахъ. И теперь его оставили при стадахъ, не предполагая, что въ немъ встрѣтится надобность. Когда отецъ сказалъ объ немъ, не обнаруживъ повидимому готовности бесполезно, какъ онъ думалъ, приглашать его на торжественное собраніе, Самуиль сказалъ настойчиво: „приведи его, ибо мы не сядемъ за столъ, пока онъ не прійдетъ сюда“. Лишь только Давидъ предсталъ предъ пророкомъ, Богъ сказалъ: вотъ этотъ!—и пророкъ помазалъ его елеемъ въ виду братьевъ его. Послѣ этого Самуиль всталъ и ушелъ домой. Это тайное помазаніе не сообщало никакихъ внѣшнихъ привилегій Давиду, которыя были невозможны при существующемъ царѣ; но оно давало ему внутреннее убѣжденіе въ его правѣ на престолъ послѣ Саула, возвышало его духъ и поощряло на дѣла достойнаго будущаго царя евреевъ. „Духъ Господень очивалъ на немъ отъ сего дня“. Въ глазахъ толпы онъ оставался обыкновеннымъ смертнымъ; но самъ онъ всѣмъ своимъ нравственнымъ существомъ чувство-

валь, какъ высоко и напряженно звучали его душевныя струны, какое оживленіе и пареніе получили его мысль и чувство, возбуждаемая новою великою задачею его жизни... Необычайная новость должна была произвести разнородныя ощущенія въ остальныхъ членахъ семьи Иессеевой. Безъ сомнѣнія они испытывали смѣшанное чувство радости и страха. Преданія о знатныхъ предкахъ были живы въ этой семьѣ, и настоящее событіе разомъ ставило ее на ту высоту, на которой она не могла уже считать себя недостойною своихъ предковъ, справедливо могла гордиться ими, сознавая, что она не только получаетъ блескъ отъ нихъ, но и увеличиваетъ ихъ славу собою. Съ другой стороны эта семья подвергалась страшной опасности въ случаѣ открытія тайны. Если самъ Самуиль боялся, что Саулъ убьетъ его, то что могло защитить обыкновенныхъ, хотя и знатныхъ по роду, гражданъ отъ ярости Саула, который оказался вскорѣ способнымъ истребить цѣлый священническій родъ и даже поднять руку на своего лучшаго сына? Недаромъ помазаніе надолго должно было остаться тайною, о которой скорѣе догадывались, чѣмъ знали положительно. Тѣмъ не менѣе и въ тѣсномъ семейномъ кругу Давидъ нажилъ себѣ недоброжелателя. Старшій братъ его, Еліавъ, считавшій себя по праву представителемъ рода послѣ отца и бывшій очевидно высококачественнымъ о своихъ личныхъ достоинствахъ, считалъ себя глубоко оскорбленнымъ, что ему предпочли безбородаго юношу. И онъ не скрывалъ, какъ увидимъ, своего презрѣнія и ненависти къ Давиду и не прочь былъ помѣшать ему сдѣлать что-нибудь достойное будущаго царя. Что же за личность былъ Давидъ? Какія были внѣшнія и внутреннія качества, дѣлавшія его способнымъ быть соперникомъ могущественнаго царя и достойно занимать послѣ него престолъ? Это былъ юноша двадцати или двадцати съ небольшимъ лѣтъ. Своими внѣшними качествами онъ такъ же производилъ сильное и благопріятное впе-

чатлѣніе, какъ и Саулъ, хотя и былъ непохожъ на него. Онъ не былъ такимъ исполиномъ, какъ Саулъ; вѣроятно онъ былъ средняго роста и плотнаго сложенія. Но онъ обладалъ громадною физическою силою, можетъ быть не меньшею, чѣмъ Саулъ. Онъ самъ рассказывалъ Саулу: „когда я пасъ овецъ у отца моего и когда бывало приходилъ левъ или медвѣдь и уносилъ овцу изъ стада, тогда я, погнавшись за нимъ, поражалъ его и исторгалъ похищенное изъ пасти его. Если же онъ бросался на меня, то я, взявши его за космы, ударялъ его и умерщвлялъ его“. При такой страшной силѣ онъ обладалъ очевидно еще и ловкостью. Если сумма мускульной силы у человѣка иногда не уступаетъ таковой же у льва, то сколько требуется проворства и находчивости, чтобы въ единоборствѣ со львомъ увернуться отъ его страшныхъ зубовъ и когтей! Ловкость Давида доказывается и той мѣткостью, съ которою онъ бросилъ изъ пращи камень въ лобъ Голіаѳа. По своему наружному виду онъ принадлежалъ къ рѣдкому въ его народѣ типу: онъ былъ блондинъ, съ красивыми глазами и съ мягкими очертаніями лица, не имѣвшими въ себѣ той рѣзкости и сухости, которыми поражаютъ вообще восточныя лица. Его наружность такъ же поражала взоръ еврея и казалась для него пріятною, какъ между сплошь русыми и неопредѣленнаго цвѣта жителями сѣвера поражаетъ и привлекаетъ случайно попадающееся лицо южнаго типа. Что же касается внутреннихъ, нравственныхъ качествъ Давида, то они не уступали, какъ у Саула, наружнымъ, а превосходили ихъ. Въ его дальнѣйшей исторіи мы встрѣтимъ множество факторовъ, доказывающихъ справедливость этого положенія. Здѣсь же скажемъ вообще, что онъ во-первыхъ обладалъ практическимъ умомъ, благодаря которому онъ никогда не терялся, не предавался унынію, не шелъ безразсудно противъ рожна, словомъ всегда господствовалъ надъ обстоятельствами, а не подчинялся имъ. Самъ Саул признавалъ

въ немъ это качество. „Видя, сказано, что онъ весьма благоразуменъ, Саулъ началъ бояться его“ (1). „Мнѣ сказывали, что онъ (Давидъ) весьма лукавъ“ (2), говорилъ Саулъ съ раздраженіемъ, презрительно употребляя слово „лукавый“ вмѣсто „благоразумный“ (3). Но Давидъ былъ не только человѣкъ ума, но и человѣкъ сердца и даже въ особенности сердца. На это указываетъ прежде всего его глубокая и вмѣстѣ живая религіозность, не тотъ обрядовый ригоризмъ, которымъ отличался Саулъ, въ которомъ только форма ортодоксальна, содержаніе же близко граничитъ съ язычествомъ, а религіозность возвышенная, сердечная, совершенная, та, которая развивалась на почвѣ положительнаго закона въ оживотворявшемъ его пророческомъ духѣ. Затѣмъ возвышенное чувство Давида открывается въ его столь извѣстной склонности и способности къ пѣснопѣнію и музыкѣ; да и да — въ глубокой и сильной скорби о безвременно или безславно погибшихъ не только друзьяхъ, но и врагахъ; наконецъ вообще въ дружбѣ, на которую онъ былъ способенъ, въ благодарности и даже часто въ излишней снисходительности. Нужно ли еще говорить о другихъ душевныхъ качествахъ Давида, какъ его львиная храбрость, несомнѣнные таланты, какъ полководца и какъ правителя, о его краснорѣчии (4), и проч.? Скажемъ въ заключеніе, что онъ безъ сомнѣнія былъ человѣкъ по своему времени высоко образованный. Какъ другъ пророковъ и священниковъ, какъ пророкъ и пѣснопѣвецъ, онъ долженъ былъ знать основательно законъ, исторію своего народа, и безъ сомнѣнія умѣлъ писать. И эти знанія приобрѣтены были имъ еще въ ранней молодости. Живя въ левитскомъ городѣ (5), обладая живыми спо-

(1) 1 Цар. 18, 15.

(2) 23, 22.

(3) אָרָוּ вмѣсто לִשְׁמָרָו.

(4) 16, 18.

(5) Суд. 17, 7.

собностями и вообще натурою, жаждущею обнять и извѣдать болѣе того, что могла дать обыденная жизнь рядовыхъ людей, и имѣя массу свободнаго времени при своей легкой пастушеской жизни, онъ позаимствовалъ отъ левитовъ гѣорода, тогдашнихъ образованныхъ людей все, что они могли дать ему, и усовершенствовался самъ при своихъ стадахъ. Недаромъ слава о немъ, какъ объ отличномъ музыкантѣ, успѣла дойти даже до царскаго двора... Впрочемъ дальнѣйшая исторія Давида скажетъ намъ объ немъ все это и краснорѣчивѣе и полнѣе.

Возвратимся къ Саулу. Мы видѣли, что Саулъ сдѣлалъ нѣчто очень важное для народно-государственной жизни евреевъ своимъ мечомъ. Сдѣлалъ ли онъ что-нибудь для религіозно-нравственной жизни народа? Саулъ былъ очевидно религіозенъ по-своему, т. е., какъ бываютъ религіозны натуры холодныя и суровыя, у которыхъ набожность не есть живая, внутренняя потребность души, а скорѣе какъ будто привычка, какъ нѣчто усвоенное и привитое извнѣ. Саулъ принадлежалъ къ людямъ, религіозность которыхъ не проистекаетъ изъ сердца, какъ нѣчто непреодолимое, а скорѣе утверждается на сознаниіи ума, что такъ должно, потому что предписано. Этимъ и объясняется, напр., его торговля съ совѣстію, когда онъ, побѣдивъ амаликитянъ, рассудилъ, что для удовлетворенія воли Божіей достаточно и того, что за исключеніемъ лучшей множество добычи всетаки истреблено. Онъ въ предписаніи Божіемъ видѣлъ одну только внѣшнюю сторону и съ этой точки зрѣнія считалъ себя правымъ. Правда, онъ былъ твердъ вообще въ вѣрѣ, — увлеченія язычествомъ, культомъ идолопоклонниковъ нѣтъ и слѣда; тѣмъ не менѣе отъ него нельзя было ожидать и особенныхъ заслугъ для ветхозавѣтной церкви. Извѣстно, что онъ сооружалъ жертвенники Господу въ счастливыхъ обстоятельствахъ своей жизни (1), но они были только дѣломъ личнаго бла-

(1) 1 Цар. 14, 35.

гочестія, а не подвигомъ для поднятія уровня религіозной жизни въ цѣломъ народѣ. Впрочемъ къ лучшему періоду его царствованія нужно отнести одно дѣйствіе Саула, похожее на подвигъ въры. Это—преслѣдованіе всѣхъ волшебниковъ и гадателей⁽¹⁾, людей безспорно вредныхъ для религіи и прямо осуждаемыхъ закономъ. Неизвѣстно, что ближайшимъ образомъ обратило религіозную ревность Саула именно на этотъ предметъ. Вѣроятно всего — необычайное размноженіе шарлатановъ въ странѣ и крайнее злоупотребленіе ими легковѣріемъ народа. Но судя потому, что самъ преслѣдователь чародѣевъ впалъ въ слѣдствіи въ соблазнъ прибѣгнуть къ помощи волшебства, нужно полагать, что онъ вооружался не столько противъ идеи, сколько противъ лицъ, т. е., преслѣдовалъ волшебниковъ не столько потому, что самое волшебство поражало его своимъ противорелигіознымъ характеромъ, сколько потому, что волшебники представлялись ему вредными членами общества. Повидимому Саулъ поступалъ въ этомъ случаѣ болѣе какъ государственный человѣкъ, какъ блюститель общественнаго благочинія, чѣмъ какъ ревнитель религіи въ собственномъ смыслѣ. Нѣкоторые полагаютъ еще, что Саулъ предпринималъ истребленіе хананеевъ, не уничтоженныхъ въ свое время и продолжавшихъ жить въ землѣ евреевъ болѣе или менѣе обширными группами; потому будто бы онъ предпринялъ это истребленіе, что хананеи соблазняли евреевъ, увлекали ихъ къ идолопоклонству. Въ доказательство приводятъ истребленіе Сауломъ гаваонитянъ, пощаженныхъ евреями при І. Навинѣ въ силу клятвы, которую гаваонитянамъ удалось получить въ свою пользу. Этотъ де фактъ—только частный эпизодъ изъ общаго преслѣдованія всѣхъ хананеевъ по указанному выше побужденію⁽²⁾. Дѣйствительно, въ исторіи цар-

⁽²⁾ 1 Цар. 28, 9.

⁽¹⁾ Graetz. Gesch. d. Isr. B. 1. S. 190. Winer. Bibl. Realwörterbuch. Artik. Gibeon.

ствованія Давида по поводу одного, тоже мало понятнаго событія упоминается, что Саулъ умертвилъ гаваонитянъ, ревнуя за сыновъ израилевыхъ и іудиныхъ⁽¹⁾. Но отсюда еще трудно заключать, что Саулъ предпринималъ *всобщее* истребленіе хананеевъ и именно по *религіознымъ* интересамъ. Выраженіе: „по ревности своей о потомкахъ Израиля и Іуды“ не заставляетъ необходимо предполагать у Саула религіозную ревность; а то обстоятельство, что истребленіемъ гаваонитянъ нарушена клятва, данная великимъ вождемъ еврейскаго народа І. Навиномъ, и со всѣмъ устраняетъ мысль о религіозныхъ побужденіяхъ у Саула⁽²⁾. Недаромъ кровь убитыхъ гаваонитянъ вопіяла объ отмщеніи при Давидѣ. Если бы Саулъ дѣйствовалъ здѣсь въ интересахъ религіи, то потомки его не были бы повѣшены для удовлетворенія разгнѣваннаго правосудія Божія. Несомнѣнно, что разсматриваемое событіе составляло только одно изъ проявленій самовластия Саулова, столь смущавшихъ Самуила.

Несмотря на разрывъ съ Самуиломъ, который (разрывъ) конечно не могъ упрочить авторитетъ Саула между многочисленными читателями пророка, несмотря на то, что внѣшняя безопасность государства не была вполне обезпечена, Саулъ достигъ на нѣкоторое время высшей точки могущества и видимаго

⁽¹⁾ 2 Цар. 21, 1. 2.

⁽²⁾ Для объясненія этого загадочнаго факта существуютъ разные предположенія. Эвальдъ думаетъ, что столкновеніе вышло изъ-за обязательной службы гаваонитянъ при скиннѣ, отъ которой они отказывались. Gesch. d. Volk. Isr. B. 3. S. 173. Есть мнѣніе, что сыновья Саула и внуки произвели убійства между гаваонитянами и остались ненаказанными. Jahn. Bibl. Archäologie. Wien. 1800. B. 1. Thl. 2. S. 144. Есть еще мнѣніе, что Саулъ истребилъ гаваонитянъ просто потому, что желалъ завладѣть ихъ землями и наградить ими своихъ вѣнчаннѣвъ и ближайшихъ родственниковъ. Душепол. Чтеніе 1872. Кн. 3. Стр. 252. Это предположеніе имѣетъ за собою наибольшую вѣроятность, потому что сообразно съ общимъ характеромъ поступковъ Саула.

благополучія. Народъ повиновался ему, и хотя несомнѣнно были недовольные его самовластіемъ и явно пристрастнымъ отношеніемъ къ своему колѣну, однако открытаго выраженія недовольства и угрожающаго движенія не послѣдовало ни въ одномъ колѣнѣ. Многочисленные и счастливыя войны обогатили Саула, который по праву могъ брать себѣ значительную часть добычи, и дали ему возможность окружить себя блескомъ и пышностію. Онъ сталъ возлагать себѣ на голову корону, чтобы не смѣшиваться болѣе по виду съ простыми смертными. Чтобы размножить знатный послѣ себя родъ, онъ взялъ себѣ наложницу (можетъ быть не одну), отъ которой имѣлъ многихъ сыновей. Но ложный путь, на который онъ вступилъ почти съ самаго начала царствованія, поднявши его до извѣстной высоты, роковымъ образомъ сталъ склонять его къ низу, къ паденію. Несмотря на видимое благополучіе, духъ его не былъ спокоенъ: жажда властолюбія, какъ и многихъ другихъ страстей, не могла быть ничѣмъ насыщена; по мѣрѣ удовлетворенія ея она разрасталась,—всегда чувствовалась потребность обнаружить власть тамъ, гдѣ она не была еще обнаружена, и въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде была обнаружена. Насколько безконечно-разнообразны жизненные отношенія людей, настолько безконечна и пища для властолюбія. Однако одной этой пищей душа человѣка жить не можетъ. Рано или поздно пробуждается желаніе чего-то другаго, примиряющаго съ людьми, и сожалѣніе о томъ, что принесено было въ жертву властолюбію и утрачено навсегда. Такъ вѣроятно было съ Сауломъ. Къ этому присоединялось воспоминаніе о грозныхъ словахъ пророка, которое ничѣмъ нельзя было заглушить и которое какъ мечъ висѣло надъ вѣнчанной головой Саула. И вотъ мало по малу онъ началъ испытывать общее чувство недорогоства и безпокойства. Затѣмъ это чувство стало переходить въ раздраженіе, и равновѣсіе его небогатыхъ душевныхъ силъ нарушилось. Онъ сталъ стра-

дать припадками настоящей душевной болѣзни, во время которыхъ онъ не только былъ неспособенъ къ серьезнымъ дѣламъ, но и былъ положительно опасенъ. Духъ Божій, который сообщается помазаннымъ для возвышенія и поддержанія ихъ обыкновенныхъ человѣческихъ силъ въ ихъ исключительномъ положеніи, отступилъ теперь отъ Саула, и сталъ мучить его злой духъ отъ Господа, т. е., по попушенію Божію онъ подпалъ влиянію темныхъ силъ. Чтобы предотвратить или по крайней мѣрѣ ослаблять припадки, которые причиняли страданіе царю и наводили ужасъ на окружающихъ, приближенные Саула рѣшились испытать влияніе музыки. Ни одно изъ воздѣйствій внѣшняго міра на душу человѣческую не производитъ такого сильнаго, а главное—всегда благотворнаго влиянія, какъ музыка. Она всегда находитъ доступъ къ душѣ человѣка, въ какомъ бы настроеніи онъ ни находился — въ веселомъ ли или въ самомъ мрачномъ. Саулу предложили облегчать его меланхолію музыкою, и онъ согласился. Одинъ изъ придворныхъ доложилъ, что онъ видѣлъ у Иессея виолеемлянина сына, умѣющаго играть на гусляхъ, и прибавилъ, что это человѣкъ сильный и воинственный, искусный въ рѣчахъ, красивый и Господь съ нимъ, т. е., во всемъ благоуспѣшный. Рекомендація произвела впечатлѣніе на Саула, потому что онъ любилъ окружать себя сильными и воинственными людьми. Послали за Давидомъ. Отецъ отправилъ его по установившемуся обычаю съ подарками царю, въ числѣ которыхъ былъ мѣхъ знаменитаго виолеемскаго вина. Давидъ съ успѣхомъ началъ исполнять свою обязанность, понравился царю, которому музыка Давида, помимо ея общаго дѣйствія на натуру человѣка, напоминала лучшіе дни его молодости, когда онъ въ первый разъ ощутилъ въ себѣ дѣйствіе духа Божія, слушалъ музыку сыновъ пророческихъ, и царь приблизилъ его къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ оруженосцемъ. Таковъ былъ первый шагъ Давида къ извѣстности и къ трону.

Вскорѣ послѣ этого филистимляне, которые не переставали тревожить евреевъ мелкими набѣгами, но постоянно были отбрасываемы, рѣшились, собравъ значительныя силы, открыть большую войну съ евреями. Можетъ быть до нихъ дошелъ слухъ о болѣзни Саула, и они возымѣли надежду одолѣть евреевъ, лишенныхъ теперь, какъ они думали, искуснаго предводителя. Но на этотъ разъ они ошиблись еще въ расчетѣ. Едва они вторгнулись въ колѣно Іудино, какъ Саулъ съ войскомъ вышелъ имъ навстрѣчу. Филистимляне остановились и, занявъ крѣпкую позицію между Сокхоомъ и Азекомъ ⁽¹⁾, не двигались далѣе. Евреи тоже расположились въ боевомъ порядкѣ на горѣ. Непрiателей раздѣляла глубокая долина ⁽²⁾. Войска были въ такомъ положенiи, что нападающая сторона неизбѣжно рисковала потерпѣть полное пораженiе. А такъ какъ никто себѣ не врагъ, то обѣ стороны стояли въ бездѣйствii, но въ напряженномъ, выжидательномъ положенiи. Неизвѣстно, сколько времени они простояли бы такимъ образомъ, и чѣмъ бы дѣло у нихъ кончилось, если бы со стороны филистимлянъ не спустился въ долину исполинъ Голиаѳъ, уроженецъ Геѳа, вѣроятно сохранившійся остатокъ первобытнаго исполинскаго племени, населявшаго Хаанаанъ ⁽³⁾. Онъ былъ болѣе чѣмъ сажennaго росту и носилъ такое тяжелое вооруженiе, что обыкновеннаго человека оно придавило бы къ землѣ (броня болѣе 4 пуд. вѣсу, древко копья почти какъ бревно, и желѣзный наконечникъ его въ полпуда). Онъ вызывалъ со стороны евреевъ желающаго на единоборство съ условiемъ, что если онъ, Голиаѳъ, побѣдитъ, то евреи должны подчиниться филистимлянамъ, если же онъ

⁽¹⁾ Города въ низменной части колѣна Іудина, I. Нав. 15, 35, на пути изъ Елевверополиса въ Іерусалимъ. Euseb. Onomasticon. Soccho.

⁽²⁾ נַחַל глубокая ложбина ручья въ равнинѣ, по переводу Кейля. Comment. V. 2. S. 127.

⁽³⁾ Числ. 13, 34. I. Нав. 11, 22.

будетъ побѣжденъ, то наоборотъ. Нельзя думать, чтобы это была одна воинская забава отъ бездѣлья и изъ любви къ искусству,—предложенныя условiя были слишкомъ важны. Между тѣмъ подобныя поединки были дѣломъ обычнымъ въ древности. Непонятнымъ представляется, какимъ образомъ рѣшали участь народовъ единоборствомъ, при бездѣйствii цѣлыхъ войскъ ⁽¹⁾. Но во-первыхъ, шансы побѣды большею частiю одинаковы, какъ въ сраженiи между цѣлыми войсками, такъ и въ единоборствѣ: въ томъ и другомъ главную роль играетъ счастiе. Во-вторыхъ, поединки часто были только началомъ всеобщей схватки, сигналомъ, выведившимъ войска изъ бездѣйствiя. Въ третьихъ, участь народа, побѣжденнаго на условiяхъ единоборства, была безъ сомнѣнiя совсѣмъ иная, чѣмъ та, которой онъ подвергается въ случаѣ уничтоженiя цѣлаго войска. Повидимому въ разсматриваемомъ фактѣ еврейской исторiи мы присутствуемъ при самыхъ условiяхъ происхожденiя поединковъ въ древности и можемъ объяснить ихъ смыслъ какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ. Мы видѣли, что и филистимское, и еврейское войско оказались въ такомъ положенiи, что ни то, ни другое не чувствовало себя достаточно сильнымъ сдѣлать нападенiе. Кромѣ того, что такое положенiе въ высшей степени тяжело для войска въ нравственномъ отношенiи, оно представляло важныя неудобства и съ матеріальной стороны. Если и нынѣ, при усовершенствованной организаціи военныхъ силъ мобилизованная армія, говорятъ, почти столь же тяжела для страны, какъ и самая война, то это же нужно сказать и относительно древнихъ временъ, и даже болѣе. Нынѣ при существованiи постоянныхъ армій мобилизація не нарушаетъ обычной дѣятельности трудовой массы, и хотя

⁽¹⁾ Альмъ считаетъ это даже совсѣмъ невѣроятнымъ и на этомъ основанiи подвергаетъ сомнѣнiю весь рассказъ о поединкѣ. Theolog. Briefe. V. 1. S. 378.

продолжительность ея вводитъ государство въ долги и наноситъ вредъ всей странѣ, однако въ благоустроенномъ государствѣ всегда есть средства облегчить кризисъ. Въ древности же, когда масса арміи состояла изъ ополченцевъ въ собственномъ смыслѣ, оторванныхъ случайно отъ обычныхъ занятій, доставлявшихъ имъ хлѣбъ насущный, при отсутствіи правильно организованной государственной экономіи, вредъ, наносимый мобилизованной, но долго бездѣйствующей арміей, былъ непосредственный и неотвратимый. Вся масса призванныхъ къ оружію, возвращаясь домой, могла оказаться въ совершенно безвыходномъ положеніи, безъ куска хлѣба на цѣлый годъ. Это обстоятельство дѣлало положительно невозможнымъ продолжительное бездѣйствіе собранной арміи; такъ какъ начиналось ничѣмъ неукротимое дезертирство. Ополченцы, не связанные дисциплиной, массами разбѣгались по домамъ, чтобы посѣять или сжать хлѣбъ, собрать виноградъ и проч., и армія таяла какъ ледъ на лѣтнемъ солнцѣ. Въ такомъ критическомъ положеніи вѣроятно и стали прибѣгать къ поединку, какъ къ средству покончить хоть на чемъ-нибудь. Поединокъ могъ привести къ двоякому результату: или войско, со стороны котораго единоборецъ побѣдилъ, воодушевлялось, бросалось на орбѣвшаго, смущеннаго непріятели и наносило ему полное поражение, и тогда побѣдители поступали съ побѣжденными, какъ имъ вздумается; или же всеобщей схватки не происходило, потому что обѣ стороны сохраняли спокойствіе, и тогда побѣжденная въ лицѣ своего единоборца сторона принимала нѣкоторыя легкія условія подчиненія (потому что нельзя же предпринять тяжелыя условія народу, армія котораго не уничтожена) и удалялась во свояси, довольная тѣмъ, что такъ дешево отдѣлалась; побѣдители же, возвращаясь домой, могли удовлетворять себя тѣмъ, что побѣда, хотя и не принесла значительныхъ выгодъ, но зато и не стоила почти никакихъ жертвъ. Этимъ только

и можно объяснить удивительное на первый взглядъ предложеніе Голіаѳа и то, что евреи не нашли его нелѣпнымъ, а были бы рады, если бы изъ ихъ среды выискался храбрецъ для борьбы съ филистимляниномъ. „Сауль и всѣ израильтяне, сказано, слыша слова филистимлянина, весьма испугались и трепетали“. Чего испугались? Не думали же они конечно, что одинъ великанъ побьетъ все ихъ войско. И развѣ не могли они отнестись къ вызову филистимлянина равнодушно и ожидать обычнаго столкновенія между войсками? Они испугались того, что при неизбежности рѣшить дѣло поединкомъ они не могли найти между собою человѣка, который бы рѣшился выйти на единоборство съ страшнымъ противникомъ и тѣмъ вывелъ бы ихъ изъ невозможнаго положенія. Сорокъ дней Голіаѳъ дерзко выступалъ передъ станомъ евреевъ, сознававшихъ свое безвыходное положеніе. Даже безмѣрно увлекательныя обѣщанія царя—обогатить счастливаго единоборца великимъ богатствомъ, сдѣлать весь родъ его свободнымъ, если онъ не принадлежалъ къ числу свободныхъ гражданъ, и наконецъ—выдать за него свою дочь,—ничто не воодушевляло евреевъ. Рѣшиться на единоборство обыкновенными приемами съ такимъ исполиномъ, который былъ неуязвимъ въ своемъ чудовищномъ вооруженіи, было бы безуміемъ. Поэтому даже отважный Ионаѳанъ принужденъ былъ терпѣть насмѣшки филистимлянина ⁽¹⁾. Но Провидѣніе уже намѣтило для евреевъ человѣка, который способенъ былъ совершить то, къ чему не чувствовали въ себѣ силъ ни Сауль, ни Ионаѳанъ. Это былъ Давидъ. Онъ не сопровождалъ Саула на войну. Открывшаяся война могла благотворно подѣйствовать на состояніе духа Саула, потому что припадки меланхоліи безъ сомнѣнія проис-

(1) Эвальдъ предполагаетъ, что Саулу и Ионаѳану народъ не позволялъ выйти на поединокъ. Вышеук. соч. Т. 3, стр. 90. Оставляемъ это предположеніе на его отвѣтственности.

ходили въ состояніи ничѣмъ не нарушаемаго бездѣйствія, когда мысли Саула праздно вращались около раздражавшихъ его воспоминаній и разгорячались отъ сознанія неосуществленныхъ и неосуществимыхъ стремленій. Напротивъ война возвращала его къ дѣйствительности, отрезвляла его. Давидъ съ своею музыкою становился ненуженъ и могъ безпрепятственно возвратиться къ отцу. Три старшіе брата Давида находились въ ополченіи. Такъ какъ продовольствіе, взятое ими съ собою на войну (общаго организованнаго продовольствія тогда повидимому не существовало) должно было истощиться, потому что они уже давно ушли изъ дому, и такъ какъ не было никакихъ вѣстей о положеніи дѣла на войнѣ, то отецъ ихъ велѣлъ Давиду поскорѣе отнести имъ пищу и кстати подарокъ (десять сыровъ) начальнику отряда, въ которомъ они находились, и узнать, въ какомъ положеніи они находятся. Давидъ пришелъ въ лагерь рано утромъ; войско, поднятое съ отдыха, строилось въ боевой порядокъ „съ крикомъ“, сказано, т. е., находилось въ сильномъ возбужденіи, — не въ томъ очевидно, которое происходитъ отъ желанія ударить на врага, а въ томъ, которое носитъ въ себѣ зародышъ неповиновенія и бѣгства. Давидъ поспѣшно сложилъ свои вещи въ обозъ, розыскалъ своихъ братьевъ и началъ съ любопытствомъ осматривать невиданную имъ грозную обстановку войны. Вдругъ является въ долину Голіаѳъ, дерзко приближается къ передовой линіи еврейскаго войска, и всѣ евреи, ходившіе въ разсыпную впереди строя, въ страхѣ бѣжали отъ него и прятались въ густыя колонны. Голіаѳъ повторяетъ свой вызовъ, не скупясь, какъ при этомъ былъ тогда обычай, на оскорбительныя выраженія на счетъ евреевъ. Впечатлительный Давидъ былъ глубоко взволнованъ и началъ съ живостію разспрашивать о распоряженіи царя для защиты чести евреевъ. Ему пересказали блестящія обѣщанія царя, не вызвавшія до сихъ поръ ни въ комъ рѣшимости

сразиться съ великаномъ. Живые, торопливые разспросы, особенное возбужденіе и огонь рѣшимости въ глазахъ не оставляли никакого сомнѣнія въ принятомъ юношею намѣреніи, и его старшій братъ Еліавъ, вѣроятно питавшій надежду, что пока Давидъ остается въ неизвѣстности, онъ самъ успѣетъ такъ или иначе отличиться и предвосхитить блестящую будущность, намѣченную для Давида пророкомъ, мучимый завистію и страхомъ не выдержалъ и разразился жестокимъ и несправедливымъ выговоромъ. „Для чего ты сюда пришелъ, говорилъ онъ Давиду, и на кого ты бросилъ овецъ въ пустынь? Знаю я дерзость твою и дурное сердце твое; вѣрно, ты пришелъ посмотреть, какъ сражаются“. Ясно, что въ этихъ словахъ выражался не страхъ за жизнь брата, не любовь, желающая отклонить его отъ опаснаго предпріятія, а совсѣмъ иное чувство. Давидъ, не вступая въ бесполезныя объясненія съ потерявшимъ самообладаніе братомъ, отошелъ отъ него и смѣшался съ толпою, продолжая разспросы объ интересовавшемъ его предметѣ и не скрывая своего желанія выйти противъ Голіаѳа. Онъ возбудилъ говоръ во всемъ войскѣ, доведено было до свѣдѣнія Саула, и Саулъ велѣлъ привести его къ себѣ. Давидъ смѣло выразилъ передъ царемъ свою рѣшимость сразиться съ филистимляниномъ. Саулъ не отнесся презрительно къ его предложенію, какъ къ безразсудной отвагѣ юноши. Довольный тѣмъ, что нашелся хоть одинъ человекъ, вступившійся за честь націи, что благодаря ему наступитъ наконецъ такая или другая переменна въ положеніи, сдѣлавшемся несноснымъ, онъ только кротко замѣтилъ ему, что онъ очень молодъ, а его противникъ—опытный воинъ. Давидъ отвѣчалъ ему на это, что онъ хотя и молодъ, но уже душилъ руками львовъ и медвѣдей и что поэтому онъ питаетъ надежду тоже сдѣлать и съ филистимляниномъ. Противъ этого аргумента едвали можно было что-нибудь возразить, и Саулъ благословилъ Давида на единоборство, убѣ-

дившись, что видитъ предъ собою юношу не совсѣмъ обыкновеннаго. Впрочемъ, не будучи въ состояннн подумать объ иномъ способѣ битвы, кромѣ обычнаго, такъ сказать, рутиннаго, онъ облекъ было Давида въ шлемъ и латы и привѣсилъ къ нему мечъ. Но Давидъ, похотивши немного въ неуклюжемъ желѣзномъ облаченіи, снялъ его, сказавъ, что онъ не привыкъ къ нему. Онъ не могъ не сообразить, что своимъ успѣхомъ въ борьбѣ съ медвѣдями и львами онъ былъ обязанъ не латамъ, не тяжести меча или копья, а единственно своему проворству и ловкости, неожиданности пріемовъ, лишавшихъ врага возможности употребить въ дѣло свою громадную силу и страшныя орудія, что попадись онъ въ лапы медвѣдя, онъ былъ бы неизбѣжно изломанъ, хотя бы на немъ были латы Голиаѳа. Онъ сообразилъ поэтому, что и съ Голиаѳомъ нужно бороться тѣми же пріемами, потому что броня не могла бы защитить отъ страшнаго удара копья Голиаѳова, которое, если бы и не прокололо, то повергло бы на землю и раздавило, что Голиаѳа нужно поразить такъ или иначе, не подвергая себя его удару, а для этого тяжелое вооруженіе не только бесполезно, но и послужило бы помѣхою. Въ головѣ Давида быстро созрѣлъ планъ борьбы, совершенно неожиданный для Голиаѳа: онъ взялъ въ руки палку—первобытное, но страшное оружіе въ рукахъ сильнаго и ловкаго человѣка, пращу, замѣнявшую въ древности нѣкоторымъ образомъ огнестрѣльное оружіе, и положилъ въ сумку пять круглыхъ камешковъ изъ ручья. Очевидно Давидъ, рассчитывая на быстроту своихъ ногъ и на увертливость, а также на тяжелыя движенія своего неуклюжаго броненоснаго противника, надѣялся выстрѣлить не разъ и не два. Когда Голиаѳъ увидалъ своего противника, то его презрѣнію не было предѣловъ. Онъ разразился ругательствами и шель на Давида безъ всякой мысли объ опасности для себя отъ такого ничтожества. На ругательства Голиаѳа Давидъ отвѣчалъ спокойнымъ

выраженіемъ увѣренности, что Богъ поможетъ своему народу одолѣть враговъ его, и безстрашно приблизился къ Голиаѳу на разстояніе вѣрнаго удара камнемъ безъ опасности промахнуться. Вдругъ праща взвилась, и прежде чѣмъ Голиаѳъ съ своимъ щитоносцемъ, шедшимъ впереди, успѣли сообразить, что нужно предпринять, круглый увѣсистый камень хватилъ великана по лбу, такъ что кость не устояла и глубоко вдавилась. Голиаѳъ безъ чувствъ повалился на землю, а Давидъ съ быстротою молніи подбѣжалъ къ нему, схватилъ его собственный мечъ и отсѣкъ имъ голову врага. Филистимляне, не думавшіе ни одну минуту, что ихъ ратоборецъ будетъ побѣжденъ, и потому бывшіе въ веселомъ настроеннн, до такой степени были поражены неожиданностію происшествія, что потеряли голову и къ явной своей гибели ударились въ бѣгство, бросивъ позицію, на которой легко могли защищаться. Евреи съ громкими криками кинулись за ними и поражали бѣгущихъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись въ укрѣпленныхъ городахъ, Геѳъ и Аккаронѣ. Лагерь филистимскій достался въ добычу евреямъ. Саулъ сильно заинтересовался личностію Давида и еще пока послѣдній выступалъ противъ Голиаѳа, онъ обратился къ военачальнику Авениру съ вопросомъ: чей сынъ Давидъ? Авениръ не зналъ, и когда Давидъ уже побѣдилъ Голиаѳа и возвращался, царь призвалъ его и освѣдомился о его происхожденнн. Давидъ сказалъ. Напрасно приводятъ этотъ фактъ въ доказательство того, что будто бы до сихъ поръ Давидъ совершенно былъ неизвѣстенъ Сауду и что онъ приглашенъ былъ ко двору только послѣ войны съ филистимлянами⁽¹⁾. Въ вопросѣ Сауду о происхожденнн Давида нѣтъ ничего страннаго, и онъ вовсе не доказываетъ, что Са-

(1) Graetz. Вышеук. соч. Т. I, стр. 198 и 416. Alm. Theol. Briefe. B. 1. S. 377.

уль доселѣ совершенно не зналъ Давида. Весьма вѣроятно, что при первомъ представленіи Давида ко двору въ качествѣ музыканта Саулу было доложено, чей онъ сынъ; но это вовсе не обязывало Саула помнить. Смѣшно было бы думать, что Сауль долженъ былъ помнить все сказанное ему при первомъ представленіи всякой незначительной личности, каковою былъ Давидъ до послѣдняго событія. Если сказано, что Сауль сдѣлалъ его своимъ оруженосцемъ, то это не значитъ еще, что Давидъ былъ единственнымъ оруженосцемъ его, — вѣроятно были и другіе оруженосцы старше и почетнѣе его; Давидъ же получилъ это званіе просто, какъ одно изъ придворныхъ званій, а не потому, что Сауль хотѣлъ этимъ особенно отличить его. Теперь же, т. е., послѣ побѣды надъ Голиафомъ, было иное дѣло. Фактъ общеизвѣстный, что мы знаемъ лицо и имя многихъ людей, нисколько не интересуясь знать какія-нибудь подробности ихъ жизни; но какъ только кто-нибудь изъ этихъ полуизвѣстныхъ людей сдѣлаетъ что-нибудь особенное, выдающееся изъ ряда вонъ, тотчасъ является желаніе узнать досконально: кто онъ, гдѣ и какъ жилъ, откуда родомъ, и проч. Тоже самое выразилось и въ вопросѣ Саула, соблазняющемъ критиковъ дѣлать разныя невѣроятныя предположенія. „И взявъ, сказано, его Сауль въ тотъ день и не позволилъ ему возвратиться въ домъ свой“. Это вовсе не значитъ, что только теперь Давидъ былъ взятъ ко двору, а значитъ только, что Сауль навсегда оставилъ его при себѣ, тогда какъ прежде онъ только временно являлся къ двору. И это совершенно понятно: могъ ли Сауль, окружавшій себя богатырями, разстаться съ такимъ героемъ? Впрочемъ изъ этого нельзя заключать еще, что Сауль цѣлюбилъ Давида; скорѣе нужно предполагать въ этомъ или практическій расчетъ, или удовлетвореніе тщеславія, потому что Саулу пріятно было имѣть въ числѣ своихъ слугъ героя, который въ былыя времена за подобный подвигъ имѣлъ бы всѣ шансы сдѣ-

латься судіею народа. Во всякомъ случаѣ объ исполненіи обѣщанія сдѣлать счастливаго единоборца своимъ зятемъ Сауль не заводилъ и рѣчи. Совѣтъ иначе отнесся къ молодому герою сынъ царя, благородный Ионаанъ: онъ полюбилъ Давида всей душой и заключилъ съ нимъ союзъ дружбы на вѣчныя времена, въ знакъ чего подарилъ ему по тогдашнему обычаю свое платье и вооруженіе. Пламенная дружба между отважными героями, между товарищами на полѣ брани—явленіе весьма обыкновенное. Но Ионаанъ и Давидъ находились въ положеніи нѣсколько исключительномъ, такъ что фактъ беззавѣтной дружбы между ними можетъ показаться необычайнымъ и непонятнымъ. Спросятъ: какъ могъ Давидъ питать чистое, невозмущенное чувство дружбы къ сыну царя, будучи предназначенъ предвосхитить у него престолъ? Могъ ли онъ открыть ему свое предназначеніе и открылъ ли? Если не открылъ, то какъ могъ безъ упрека совѣсти брать протягиваемую ему руку дружбы? Если же открылъ, то какъ могла устоять дружба между ними? Какъ и Ионаанъ, естественный наследникъ престола, могъ питать неизмѣнное чувство дружбы къ претенденту на престолъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ есть другой, болѣе вѣрный путь, чѣмъ тотъ, на который становятся писатели отрицательнаго направления. Было бы поспѣшно и ненаучно заключать вмѣстѣ съ Альмомъ, что „дружба Ионаана къ Давиду, въ томъ видѣ, какъ она представляется въ Библии, есть явленіе совершенно неестественное“ (*). Этотъ писатель, вообще крайне неразборчивый въ средствахъ для оправданія своихъ отрицательныхъ выводовъ, страдаетъ однимъ рѣзко бросающимся въ глаза порокомъ: на явленія древней и древнѣйшей жизни онъ смотритъ съ точки зрѣнія современныхъ отношеній и потому можно было бы сказать, что онъ весьма

(*). Вышеук. соч. Т. I, стр. 380.

грубо заблуждается, если бы не было видно ясно, что онъ собственно старается ввести читателя въ заблужденіе ('). Между тѣмъ въ данномъ случаѣ тотъ, кто способенъ понять своеобразныя житейскія отношенія у евреевъ въ разсматриваемый моментъ ихъ исторической жизни и увидать глубокое различіе ихъ отъ таковыхъ же у другихъ народовъ и во времена позднѣйшія, — не найдетъ въ библейскомъ повѣствованіи ничего невѣроятнаго. [Все кажущееся затрудненіе заключается въ томъ, что Давидъ мыслится какъ узурпаторъ, какъ похититель правъ Ионаана. Но въ дѣйствительности этого не было. Какъ долженъ былъ мыслить себя Ионаанъ? Онъ былъ старшимъ сыномъ Саула и могъ мыслить себя наслѣдникомъ престола, но единственно *по аналогіи* съ порядкомъ дѣлъ, существовавшимъ въ другихъ царствахъ, гдѣ были утвердившіяся династїи, а *не по праву, утвержденному закономъ*. Такого права у евреевъ не существовало въ законѣ, ни даже въ обычаяхъ. Хотя старшій сынъ по смерти отца становился главою семьи, но это совсѣмъ другое дѣло; къ наслѣдованію царства отсюда можно дѣлать только заключеніе, не болѣе. Права традиціоннаго образоваться еще не могло. Царствованіе было теперь у евреевъ нѣчто совершенно новое, въ законѣ объ его наслѣдованіи не сказано ни слова; первымъ царемъ былъ отецъ Ионаана, *избранный Богомъ чрезъ пророка и принятый народомъ*. Ионаанъ рѣшительно не могъ знать, какимъ путемъ онъ можетъ утвердиться на престолѣ и даже утвердится ли: признанъ ли онъ будетъ царемъ только потому, что онъ старшій сынъ царя, или же утвердится избирательный порядокъ, при чемъ конечно онъ не былъ бы единственнымъ кандидатомъ и могъ быть

(') Въ исторїи Моисея онъ находитъ невозможнымъ, чтобы царская дочь ходила купаться на рѣку съ ея болотистыми и поросшими камышомъ (?) берегами. «Ужели, говоритъ онъ, она не имѣла у себя во дворцѣ купальной комнаты? Тамъ же, стр. 318.

не избраннымъ. Такимъ образомъ Ионаанъ, сынъ царя, но не имѣвшій опредѣленныхъ правъ на престолъ, и Давидъ, простой гражданинъ, на котораго впрочемъ могло пасть и избраніе, въ сущности были въ одинаковомъ положеніи. Такое положеніе по нашему мнѣнію нисколько не препятствовало имъ сдѣлаться друзьями. Давидъ понималъ, что хотя онъ и помазанъ пророкомъ, но Ионаанъ по волѣ народа можетъ сдѣлаться царемъ (окончательное утвержденіе царя во всякомъ случаѣ зависѣло отъ народа), и ему ничего не останется сдѣлать, какъ признать себя его подданнымъ. Ионаанъ, когда онъ узналъ тайну помазанія Давида, тоже понималъ, что Давидъ можетъ сдѣлаться царемъ такимъ же порядкомъ, какъ и его отецъ, Саулъ, и теперешняя дружба къ нему Давида пригодится ему впоследствии (этого онъ, какъ увидимъ ниже, и не скрывалъ передъ Давидомъ). Они не могли ненавидѣть другъ друга, потому что не могъ одинъ другаго считать безчестнымъ человекомъ, похитителемъ чужихъ правъ, — права ихъ были одинаковы. Одинъ изъ нихъ могъ быть только счастливѣе другаго; но неравенство счастія не есть положительная помѣха чувству дружбы. Правда, предположеніе, что другой, не лучшій меня, можетъ сдѣлаться счастливѣе меня, часто порождаетъ чувство зависти и недоброжелательства; но это свойственно душамъ мелкимъ, характерамъ ничтожнымъ, — не могло быть этого между Ионааномъ и Давидомъ, какими ихъ рисуетъ намъ Библия.

Еще до возвращенія съ поля военныхъ дѣйствій, вѣроятно во время преслѣдованія филистимлянъ и непосредственно за симъ Давидъ такъ успѣлъ обнаружить свои замѣчательныя способности, что самъ царь, его придворные и весь народъ восхитились его личностію. Саулъ немедленно поставилъ его военачальникомъ надъ особымъ отрядомъ. Но фактъ общеизвѣстный: люди способны восхищаться личностями, возвышающимися надъ обыкновеннымъ уровнемъ; если

же выдающаяся личность даже помимо своей воли слишком уже сильно даетъ чувствовать окружающимъ ихъ ничтожество, то между послѣдними всегда найдутся такіе, у которыхъ къ восхищенію скоро примѣшивается какъ бы чувство обиды, затѣмъ зависть и наконецъ рѣшительное недоброжелательство. Въ сильнѣйшей степени это обнаруживается между людьми, стоящими у власти. Вспомнимъ, напр., что въ древнихъ греческихъ республикахъ достаточно было какому-нибудь гражданину прославиться великимъ подвигомъ или просто заслужить всеобщую любовь за свои душевные качества и безукоризненную жизнь, чтобы подвергнуться изгнанію. Не думаемъ, чтобы здѣсь дѣйствовало всегда одно только опасеніе за республиканскій строй правленія. Правда, въ старыхъ монархіяхъ личность подданнаго, какъ бы она ни возвышалась, какъ бы ни прославлялась, всегда мыслится безконечно ниже прирожденнаго государя и не можетъ возбудить въ послѣднемъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, зависти и опасенія; но въ монархіяхъ новыхъ бываетъ совсѣмъ наоборотъ. Таковою была монархія еврейская при Саулѣ; она была еще слишкомъ близка къ тому, что можно назвать республикой. Здѣсь еще не успѣло образоваться не только пропасти, но и сильно замѣтной грани между государемъ и подданнымъ; здѣсь еще всѣ мыслили: царь, потому что способенъ и достоинъ быть царемъ, — не такъ, какъ мыслится въ старыхъ монархіяхъ: царь, потому что его предки были царями. Саулъ не могъ быть равнодушенъ къ блестящимъ талантамъ и громкой славѣ подданнаго; потому что онъ самъ сдѣлался царемъ, благодаря нѣкоторымъ нерядовымъ своимъ личнымъ качествамъ и укрѣпился на царствѣ славою военныхъ подвиговъ. Могъ ли онъ поручиться, что другой не затмитъ его съ этой стороны и не покажется въ глазахъ народа болѣе достойнымъ царства? Примемъ при этомъ въ расчетъ угрозу пророка и болѣзненное разстройство Саула. Поэтому мы не долж-

ны удивляться тому, что по библейскому повѣствованію благосклонность Саула къ Давиду очень скоро перешла въ зависть и недоброжелательство. Повидимому уже на возвратномъ пути съ войны (¹) Саулъ былъ непріятно пораженъ возгласами еврейскихъ женщинъ, которыя со свойственною имъ тогда свободою выходили навстрѣчу побѣдителямъ и весело привѣтствовали ихъ. Веселыми хороводами кружились онѣ, ударяли въ музыкальные инструменты и припѣвали: „Саулъ поразилъ тысячи, а Давидъ поразилъ тьмы“. „Саулъ весьма огорчился, сказано, и непріятно показалось ему слово сіе... И сталъ Саулъ съ того дня подозрительно смотрѣть на Давида“. Мысль о Давидѣ, еще недавно совершенно неизвѣстномъ и вдругъ сдѣлавшемся столь знаменитымъ, не давала Саулу покоя. Чѣмъ больше онъ думалъ объ немъ, тѣмъ сильнѣе развивались его подозрѣнія: „ему уже не достаетъ только царства“, говорилъ онъ самъ себѣ, и окончательно возненавидѣлъ Давида. Музыка Давида потеряла теперь всякое очарованіе для него; видъ Давида возбуждалъ въ немъ бѣшенство, и разъ въ припадкѣ, когда Давидъ игралъ передъ нимъ, онъ дважды пытался пронзить его копьемъ, но Давидъ счастливо уклонялся. Надобно полагать, что Саулъ дѣйствовалъ здѣсь не совсѣмъ безсознательно, потому что вскорѣ за тѣмъ онъ началъ хладнокровно придумывать другіе, болѣе благовидные способы погубить Давида. Онъ поставилъ его начальникомъ надъ отрядомъ въ 1000 человекъ, съ тѣмъ, чтобы онъ постоянно имѣлъ дѣло съ окрестными врагами. Давидъ одерживалъ блистательныя побѣды, и весь народъ восхищался имъ. Саулъ полагалъ сначала, что излишняя юношеская отвага въ войнѣ погубитъ Да-

(¹) 1 Цар. 18, 6. Буддей настаиваетъ, что это случилось нѣкоторое время спустя, послѣ другой войны, въ которой отличился Давидъ. *Historia eccles. Veter. Test. Edit. 4. T. 2. p. 55.* Но въ такомъ предположеніи нѣтъ никакой необходимости, ни даже видимой пользы.

вида; но убѣдившись, что Давидъ сколько отваженъ, столько же и „благоразуменъ“, положительно „началь бояться его“. Безъ сомнѣнія грозное слово пророка: „Господь отниметъ у тебя царство и отдастъ другому“—чаще и чаще стало раздаваться въ ушахъ его. Надобно было избавиться отъ страшнаго соперника во что бы то ни стало. Но насиліе употребить казалось еще неблаговиднымъ и опаснымъ. И вотъ царь Израиля пустился на низкія хитрости. Онъ попробовалъ выбить Давида изъ колеи благоразумія, возбудивъ въ немъ честолюбіе, которое, какъ ему казалось, должно было побудить Давида къ безразсудной отвагѣ, къ смертельно-опаснымъ предпріятіямъ. Онъ предложилъ свою старшую дочь Мерову въ замужество Давиду, съ тѣмъ чтобы побудить Давида къ отважнѣйшимъ подвигамъ противъ враговъ во главѣ ввѣреннаго ему отряда. Высокая честь быть царскимъ зятемъ возбудить, думалось Саулу, въ Давидѣ безразсудную отвагу въ сраженіяхъ, и онъ погибнетъ. Но Давидъ ограничился преувеличенно-скромнымъ отвѣтомъ: „кто я и что жизнь моя и родъ отца моего въ Израилѣ, чтобы мнѣ быть зятемъ царя?“—и ждалъ послѣдствій, не предпринимая повидимому ничего особеннаго, чтобы заслужить царскую милость. Въ намѣренномъ униженіи Давидомъ себя и своего рода звучитъ какъ бы иронія. Въ самомъ дѣлѣ Давиду не могло не показаться страннымъ и даже обиднымъ, что отъ него требуютъ еще какихъ-то подвиговъ за честь получить руку царской дочери, когда онъ уже имѣлъ право на эту руку согласно царскому обѣщанію за единоборство съ Голиаѳомъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе нѣкотораго времени дѣлали видъ, что Давидъ женихъ Меровы. „Когда же, сказано, наступило время отдать Мерову Давиду, она выдана была въ замужество за Адриэла изъ Мехолы“. Такой странный исходъ дѣла можно объяснить только тѣмъ, что Саулъ, замѣтивъ равнодушное отношеніе Давида къ предложенію, захотѣлъ уязвить его самолюбіе; вы-

двинувъ неожиданно и въ столь обидной формѣ соперника ему, Саулъ рассчитывалъ зажечь въ немъ чувство мести, удовлетвореніе которой было бы гибельно для Давида во всякомъ случаѣ: или онъ былъ бы убитъ Адриэломъ, или былъ бы осужденъ на смерть, какъ убійца ⁽¹⁾. Однако расчеты Саула не оправдались, — Давидъ остался равнодушнымъ ко всему. Вдругъ усердные слуги доносятъ Саулу, что его другая дочь Мелхола любитъ Давида. Саулъ обрадовался; онъ тотчасъ сообразилъ, что здѣсь скрывается взаимность со стороны Давида, и построилъ планъ гибели Давидовой. „Отдамъ ее за него, говорилъ онъ самъ себѣ, и она будетъ ему сѣтію, и будетъ на немъ рука филистимлянъ“. Для обезпеченія успѣха онъ подослалъ придворныхъ дипломатовъ возбудить въ Давидѣ надежду и самолюбіе. На этотъ разъ Саулъ не во всемъ ошибся; отвѣтъ Давида сватьямъ уже разнился отъ прежняго явно уклончиваго отвѣта по поводу Меровы и обнаруживалъ, что Давидъ равнодушенъ къ предложенію. „Развѣ маловажнымъ для васъ кажется, говорилъ онъ, быть зятемъ царя. Я же человекъ *бѣдный* и незначительный“. Придворные поняли намекъ, что Давиду нечѣмъ заплатить богатаго вѣна, которое было бы достойно царской дочери. Когда они донесли объ этомъ Саулу, то оказалось, что онъ повидимому того и ожидалъ, потому что у него уже готова была чудовищная выдумка, крайняя грубость которой равнялась только ненависти его къ Давиду. „Скажите Давиду, говорилъ онъ: царь не хочетъ вѣна, кромѣ ста краеобрѣзаній филистимскихъ, въ отмщеніе врагамъ“ ⁽²⁾. При этомъ

⁽¹⁾ Гретцъ полагаетъ, что, когда Саулъ предложилъ Давиду Мерову, она была уже замужемъ за Адриэломъ и что отнятіемъ ея, у послѣдняго для Давида имѣлось въ виду возбудить кровавую вражду между соперниками. Указ. соч. Стр. 200. Изъ текста этого не видно.

⁽²⁾ Буддей, отвергая разныя, слишкомъ искусственныя объясненія этого требованія, думаетъ, что этимъ требованіемъ имѣлось въ виду нанести только наибольшее оскорбленіе филистимлянамъ и тѣмъ сильнѣе

Саулъ назначилъ срокъ, какъ показываетъ ст. 27-й. и вѣроятно короткій. Расчетъ ясенъ. Давидъ долженъ былъ сдѣлать неожиданный набѣгъ на филистимлянъ, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, и тѣмъ ожесточить ихъ, и безъ того озлобленныхъ на Давида до послѣдней степени. Кромѣ того онъ долженъ былъ имѣть большое дѣло съ филистимлянами, чтобы получить сто убитыхъ враговъ; а это въ пограничныхъ мѣстностяхъ едвали было возможно. Нужно было углубиться внутрь непріятельской страны, очутиться предъ многочисленнымъ ополченіемъ и остаться побѣдителемъ. Гораздо легче было погибнуть. Тѣмъ не менѣе Давидъ согласился. Надобно полагать, что Давидъ дѣйствительно имѣлъ жаркое дѣло, потому что получилъ возможность принести своему будущему тестю 200 краеобрѣзаній. Саулъ теперь уже не могъ нарушить своего обѣщанія, потому что дѣло велось слишкомъ публично, — весь Израиль интересовался имъ, и скрѣпя сердце отдалъ Мелхолу Давиду. Онъ вскорѣ наглядно убѣдился, что Мелхола любитъ Давида и, вмѣсто того чтобы, какъ подобаетъ доброму отцу, радоваться счастьемъ дочери, онъ испугался и сталъ еще злѣйшимъ врагомъ Давида. Онъ попалъ, такъ сказать, въ сѣти, разставленныя имъ самимъ. Сдѣлавши поневолѣ Давида своимъ зятемъ, онъ понималъ, что Давидъ сталъ теперь несравненно опаснѣе для него, такъ какъ онъ сталъ теперь членомъ его семьи, и всякая несправедливость и насиліе противъ него должны были тѣмъ болѣе возбуждать негодованіе народа. А Давидъ между тѣмъ продолжалъ покрывать себя славою военныхъ подвиговъ. Тогда Саулъ, потерявъ всякую надежду погубить Давида тайными кознями, сбросилъ съ себя маску и открылъ свои намѣренія приближеннымъ. „Необходимо умерт-

раздражить ихъ противъ Давида. Flavius Josephus, прибавляетъ онъ. praeputia in capita mutavit, ne gentilibus illud Saulis postulatum nimis barbarum videretur. Указ. соч. стр. 57.

вить Давида“, говорилъ онъ Ионаѳану и ближайшимъ придворнымъ. Повидимому все смолчали. Ионаѳанъ, не могшій безъ содроганія даже подумать о такомъ преступленіи, не хотѣлъ высказываться передъ толпою придворныхъ; придворные, зная дружбу Ионаѳана къ Давиду, вѣроятно тоже ограничились почтительно-молчаливымъ вниманіемъ къ словамъ царя. Ионаѳанъ немедленно извѣстилъ Давида объ опасности и посоветовалъ до времени скрыться. А самъ, улучивъ минуту сойтись съ отцомъ наединѣ въ полѣ, объяснилъ ему всю неблагоприятность замышляемаго имъ дѣла и убѣдилъ его оставить Давида въ покоѣ. Что могъ возразить Саулъ, когда его сынъ, въ интересахъ котораго, какъ наследника престола, повидимому слѣдовало устранить Давида (такъ безъ сомнѣнія представлялъ дѣло Ионаѳану Саулъ), заступаетъ за своего соперника; что онъ могъ еще представить въ оправданіе своей ненависти къ Давиду? Саулъ согласился съ сыномъ и по тогдашнему обычаю поклялся не убивать Давида. Тогда Давидъ снова появился при дворѣ, какъ будто ничего не произошло. Но внутренно Саулъ никогда не могъ примириться съ Давидомъ. Уступая силѣ доводовъ въ пользу Давида со стороны его защитниковъ, онъ могъ только терпѣть его, когда былъ въ спокойномъ состояніи духа. Но было достаточно малѣйшаго толчка, чтобы вывести его духъ изъ состоянія равновѣсія. Давидъ снова одержалъ блистательную побѣду надъ филистимлянами. Все радовались. Но на Саула напалъ злой духъ. Возрастающая слава Давида приводила его въ бѣшенство. Онъ неистовствовалъ во дворцѣ, и копьѣ было у него въ рукахъ. Давидъ взялся было по обычаю за арфу, но зорко наблюдалъ за страшнымъ пациентомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, Саулу пришло неодолимое желаніе „пригвоздить Давида копьемъ къ стѣнѣ“. Замѣтивъ движеніе Саула, Давидъ успѣлъ отскочить въ сторону, и копьѣ вонзилось въ стѣну. Давидъ убѣжалъ поспѣшно въ свой дѣмъ, гдѣ

въ случаѣ немедленной погони за нимъ Саула Мелхола могла защитить его отъ ярости отца своей грудью. Сауль не погнался за нимъ, но рѣшилъ, не взирая ни на что, употребить насиліе: онъ окружилъ домъ Давида стражей, чтобы утромъ схватить его. Схватить его немедленно и умертвить онъ повидимому еще не рѣшался. Можетъ быть ему нужно было нѣкоторое время, для того, чтобы принять какія-нибудь мѣры на случай взрыва народнаго неудовольствія. Можетъ быть также, что онъ хотѣлъ предать его формальному суду, какъ незаконнаго претендента на престоль, и надѣялся настоять на смертномъ приговорѣ (¹). Какъ бы то ни было, но это спасло Давида,—онъ сумѣлъ незамѣтно для стражи выйти изъ дому и убѣжалъ совсѣмъ изъ города. Любящая жена позаботилась о томъ, чтобы Давидъ имѣлъ возможность убѣжать какъ можно дальше или успѣлъ найти безопасное пристанище. Она обманула присланныхъ утромъ отъ Саула взять Давида, сказавъ имъ, что онъ тяжело боленъ, и показала на постелѣ закутанную наподобіе челоуѣка статую. Хотя обманъ скоро и обнаружился, потому что Сауль велѣлъ принести Давида вмѣстѣ съ постелью; однако Давидъ успѣлъ добратъся до Рамы и прибѣгнулъ подъ защиту Самуила. Ярость Саула обрушилась было на Мелхолу, но она сумѣла убѣдить, что иначе ей поступить было невозможно, такъ какъ де Давидъ грозился убить ее. Давидъ сталъ жить съ Самуиломъ въ Наваѣ (²). Здѣсь Давидъ могъ считать себя на

(¹) Такъ думаетъ I. Флавій. Antiqu. XI. 4.

(²) נָוָה переводится обыкновенно какъ собственное имя и вѣроятно дѣйствительно употреблялось какъ собственное имя, но оно по всѣмъ признакамъ заключаетъ въ себѣ общее (нарицательное) понятіе, соответствующее тому, что у насъ называется «общежитіемъ», т. е., зданіемъ со многими жилыми помѣщеніями не для одного семейства, а для цѣлаго общества людей, напр., для воспитанниковъ, для призрѣваемыхъ и проч. Нѣкоторые толкователи слово «Наваѣ» переводятъ словами «пастушескій домъ, гостинница», а халдейскій переводчикъ «домъ

нѣкоторое время въ безопасности. И уваженіе къ Самуилу, и религіозное одушевленіе сыновъ пророческихъ, поражавшее еврея, обезпечивали Давида отъ грубаго насилія со стороны Саула. Однако Сауль, когда узналъ, гдѣ скрывается Давидъ, немедленно послалъ схватить его и привести. Но посланные, сказано, когда увидѣли ликъ пророковъ пророчествующихъ и Самуила, стоявшаго настоятелемъ надъ ними, подпали дѣйствию духа Божія и начали тоже пророчествовать. Этотъ съ перваго взгляда необычайный фактъ требуетъ нѣкотораго разъясненія, и здѣсь недостаточно ограничиться замѣчаніемъ, что „посланные, услышавъ пѣніе сыновъ пророческихъ, вдругъ почувствовали въ себѣ то же расположеніе духа и присоединились къ хору сыновъ пророческихъ, позабывъ (?) причину своего посольства“ (¹). Посланные Сауломъ, т. е., начальникъ отряда или придворный, которому поручались подобныя дѣла, отъ котораго требовалось одно слѣпое повиновеніе, потому толпа простыхъ воиновъ, привыкшихъ къ кровавой расправѣ съ врагами или съ тѣми, кого считалъ врагами царь,—эти люди, пришедши въ Наваѣ, вдругъ начали пророчествовать!... Прежде всего нужно замѣтить, что понятіе: пророчествовать — у насъ имѣетъ строго опредѣленный смыслъ; пророчествовать значитъ предсказывать будущее или же изрекать какія-нибудь религіозно-нравственныя истины, также обличать грѣшниковъ, утѣшать удрученныхъ,—словомъ: дѣлать то, что дѣлали пророки въ собственномъ смы-

ученія. Имѣя въ виду, что въ Наваѣ былъ сонмъ пророковъ, иначе: сыновъ пророческихъ, что глаг. נָוָה, составляющій основу слова נָוָה, значить «жить, находиться въ жилищѣ», что сущ. נָוָה значить нерѣдко «настѣище, пажить», какъ 1 Пар. 17, 7. Ис. 65, 10, а также «загонъ, овчарникъ», какъ Іер. 23, 3. Соф. 2, 6, а прилаг. נָוָה значить «дома сидящая», т. е., ведущая скромную жизнь, какъ Пс. 67, 13. — можно думать, что Наваѣ означаетъ: учебное общежитіе, питомникъ, seminary.

(¹) Душев. Чт. 1872. кн. 2. стр. 383.

слѣ. При этомъ неизбѣжно предполагается лицо, обладающее особыми дарами Духа Божія и посвятившее свою жизнь всецѣло служенію высшимъ религіозно-нравственнымъ интересамъ человѣчества. Въ данномъ же мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Библии слово „пророчествовать“ имѣетъ своеобразный, болѣе широкой и не столь точный и глубокой смыслъ. Извѣстно, что въ жизни каждаго, даже самаго обыкновеннаго человѣка бываютъ минуты какого-то особеннаго духовнаго возбужденія и просвѣтленія. Въ эти минуты человѣкъ становится на необычную для него нравственную высоту: его чувства становятся живѣе и чище, мысль — свѣтлѣе и проницательнѣе; онъ способенъ бываетъ тогда увидеть истину и добро тамъ, гдѣ при обыкновенномъ, рутинномъ теченіи своей жизни и не подозрѣвалъ ихъ, даже можетъ быть смѣялся, когда ему указывали ихъ тамъ. Когда человѣкъ въ этомъ состояніи говоритъ, то говоритъ съ воодушевленіемъ, съ силою, съ выразительными жестами и невольно обращаетъ на себя вниманіе окружающихъ. Въ особенно сильныхъ наружныхъ чертахъ обнаруживается это состояніе у южныхъ жителей, одаренныхъ пламенной натурой. Такое состояніе по внѣшнимъ чертамъ и отчасти по внутреннему характеру похоже на состояніе пророковъ въ собственномъ смыслѣ подъ наитіемъ Духа Божія. Евреи и называли его пророческимъ состояніемъ вообще; слова и дѣйствія, человѣка въ такомъ состояніи обозначали словомъ „пророчествуетъ“, безразлично прилагая его и къ людямъ обыкновеннымъ, и къ пророкамъ въ собственномъ смыслѣ. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, какимъ образомъ посланные Сауломъ начали пророчествовать. Въ духовномъ отношеніи это конечно были люди самые обыкновенные, даже можетъ быть низменные. Они были вѣрными исполнителями воли царя, жили его милостями и едва ли имѣли привычку задаваться вопросами, выходящими изъ ряда обыденныхъ, чисто практическихъ

интересовъ. Однако изъ этого не слѣдовало съ необходимостію, чтобы они не были способны при какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ воспрянуть духомъ, пережить минуты болѣе широкой и человѣчески-возвышенной духовной дѣятельности. Всѣ они хорошо знали Давида и, надобно думать, плѣнялись его благородною личностію. Вѣроятно всѣ или большая часть изъ нихъ были евреи, благоговѣвшіе предъ Самуиломъ и относившіеся къ пророческимъ обществамъ съ почтеніемъ, съ религіознымъ уваженіемъ, какъ къ учрежденію, непосредственно вытекавшему изъ близкихъ отношеній Іеговы къ своему народу. Уже первая попытка произвести насилие надъ Давидомъ безъ сомнѣнія произвела сильное впечатленіе на всѣхъ. Многочисленные почитатели Давида были глубоко возмущены и начали толковать о жестокости царя, о его несносномъ характерѣ, о его болѣзни. Слушая эти толки, и люди ко всему равнодушные начали размышлять и задаваться серьезными вопросами. Вѣроятно всѣ обрадовались, когда узнали, что Давидъ пока избѣжалъ опасности. Вдругъ нѣсколько человѣкъ, уже настроенныхъ не въ пользу Саула, получаютъ приказаніе идти въ жилище пророковъ и схватить тамъ Давида. Порученіе необычайное, невольно заставлявшее задуматься. Дорога до Рамы дала время для размышленій, несовмѣстныхъ съ безпрекословнымъ исполненіемъ царской воли. И вотъ приходятъ въ Раму; съ свойственнымъ еврею чувствомъ благоговѣнія, смѣшаннаго со страхомъ, подходятъ къ таинственному жилищу пророковъ, и глазамъ ихъ представляется поразительное зрѣлище: множество мужей и юношей, съ маститымъ старцемъ во главѣ, въ торжественной позѣ, съ вдохновеннымъ взоромъ, могучимъ, но согласнымъ голосомъ поютъ возвышенные гимны, прославляющіе великія и чудныя дѣла Іеговы. Глубоко пораженные войны невольно останавливаются, вспоминаютъ о дѣлѣ, за которымъ пришли, и ими овладѣваетъ благо-

говѣнный ужасъ. Мгновенно спадаетъ повязка съ ихъ духовныхъ глазъ, и они съ поразительной ясностію видятъ всю неестественность, всю грѣховность дѣла, за которымъ посланы. Съ сильнымъ волненіемъ, съ порывистыми жестами они начали сообщать другъ другу свои одинаковыя мысли, хвалили Давида, порицали Саула и наконецъ до того воодушевились, что стали вторить, насколько умѣли, могучему, увлекательному хору пророковъ. Они „пророчествовали“. Въ такомъ состояніи на нихъ могъ сойти и Духъ Божій... Сауль въ нетерпѣніи и недоумѣніи посылалъ еще два раза. Вторые и третьи посланные уже легко присоединялись къ первымъ. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, Сауль отправляется самъ. Но со времени его припадошнаго озлобленія прошло уже много времени, его мысли успѣли прійти нѣсколько въ порядокъ. Затѣмъ онъ былъ пораженъ непонятнымъ поведеніемъ посланныхъ. Все это имѣло слѣдствіемъ то, что еще не дойдя до Рамы, онъ испыталъ на себѣ дѣйствіе Духа Божія и не могъ на этотъ разъ причинить зло Давиду. Его волненіе, понятное дѣло, было несравненно сильнѣе того, которое испытали его посланные: „онъ снялъ одежды свои и пророчествовалъ предъ Самуиломъ, и весь день тотъ и всю ночь лежалъ не одѣтый“. Но такое состояніе Саула не могло быть продолжительнымъ, и потому Давидъ успѣшилъ уйти изъ Навааа съ тревогою о дальнѣйшей своей участи. Розыскавъ своего друга Ионаана, онъ горячо жаловался ему на несправедливое преслѣдованіе. Великодушный Ионаанъ все еще не могъ вѣрить, что отецъ его дѣйствительно рѣшился погубить Давида. Но Давидъ убѣдилъ его, и онъ долженъ былъ повѣрить. Рѣшились однако въ послѣдній разъ испытать расположеніе Саула. Давидъ отказался наотрѣзъ явиться предъ Сауломъ, предлагая другу лучше убить его (Давида) своими руками, чѣмъ снова предстать предъ Сауломъ. Предчувствуя, что онъ видится съ Давидомъ можетъ быть въ послѣдній разъ, Ионаанъ об-

ратился къ нему съ пламенными увѣреніями въ своей дружбѣ и поручалъ себя и свое потомство великодушію Давида, если послѣдній будетъ въ счастіи. Ионаанъ теперь уже видѣлъ ясно, что безобразное поведеніе отца, неудовольствіе пророковъ и всѣхъ лучшихъ людей мало оставляли ему надежды на престоль, хотя онъ былъ и сынъ царя. Наступилъ праздникъ новомѣсячія. Мѣсто Давида за царскимъ столомъ было пусто. Сауль спросилъ Ионаана о причинѣ его отсутствія. (Сауль конечно думалъ, что у Давида прошелъ уже страхъ, послѣ того какъ въ Навааѣ онъ (Сауль) раскаялся въ своей жестокости по отношенію къ нему). Ионаанъ далъ заранѣе придуманное благовидное объясненіе съ цѣлію узнать чувства отца къ Давиду. Тогда Сауль пришелъ въ ярость и разразился страшными словами: „сынъ развратный и непокорный! Развѣ я не знаю, что ты подружился съ сыномъ Іессеевымъ къ безчестію своему и къ безчестію матери твоей? Ибо во всѣ дни, пока сынъ Іессеевъ будетъ жить на землѣ, не утвердишься ни ты, ни царство твое. Пошли же и приведи его ко мнѣ, ибо онъ достоинъ смерти“. Ионаанъ попробовалъ возразить отцу: „за что умерщвлять его? Что онъ сдѣлалъ?“ Это привело Саула окончательно въ бѣшенство, и онъ пустилъ въ сына копье. Ионаанъ вѣ себя отъ гнѣва всталъ изъ-за стола, не явился и на другой день праздника и глубоко скорбѣлъ, убѣдившись окончательно въ вопіющей несправедливости отца къ Давиду. Наутро Ионаану удалось свидѣться съ Давидомъ въ условленномъ мѣстѣ. Давидъ трижды поклонился ему въ землю и плакалъ; плакалъ и Ионаанъ. Подтвердивши снова клятвою неизмѣнность своихъ чувствъ, они разстались навсегда, какъ имъ казалось.

Теперь настала для Давида скитальческая жизнь, исполненная приключеній и опасностей, геройскихъ подвиговъ и видимаго покровительства Провидѣнія. Сауль ни о чемъ другомъ и не думалъ, какъ только

о томъ, чтобы изловить и умертвить Давида, котораго онъ считалъ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Давидъ, предоставившій всецѣло на волю Божию исполненіе того, что было обѣщано ему пророкомъ, и не помышлявшій о низверженіи Саула съ престола, не могъ найти въ отечественной землѣ ни одного уголка, гдѣ бы не достала его сильная рука царя. Онъ рѣшился искать спасенія внѣ предѣловъ Саулова царства. Принужденный поспѣшно убѣжать изъ дому и уже нѣсколько дней скрываясь въ потаенныхъ мѣстахъ, онъ не имѣлъ при себѣ ни оружія, ни даже хлѣба на дорогу. Пользуясь тѣмъ, что вѣсть объ его опалѣ не успѣла пока распространиться по окрестнымъ городамъ, онъ поспѣшно прибылъ въ Номву⁽¹⁾, священнической городъ во времена Саула, и явился прямо къ первосвященнику Ахимелеху⁽²⁾. Какъ значительное лицо, какъ зять царя, онъ не рѣшился зайти къ кому бы то ни было, въ первый попавшійся домъ, чтобы не возбудить тѣмъ подозрѣнія. (Существуетъ и другое предположеніе относительно этого, но объ немъ будетъ рѣчь впереди). Ахимелехъ встрѣтилъ Давида съ смущеніемъ. Таково было настроеніе подданныхъ Саула тогда; всякій ждалъ бѣды отъ озлобленнаго царя. Достаточно было приближенному царя явиться неожиданно въ домъ даже такого лица, какъ первосвященникъ, чтобы напугать его. На этотъ разъ пока страхъ былъ напрасенъ, хотя, какъ показали послѣдствія, не безоснователенъ. Давидъ рассказалъ вымышленную исторію о спѣшномъ и таинственномъ

(1) Этотъ городъ лежалъ на пути изъ Рамы къ Іерусалиму, очень близко отъ послѣдняго, такъ что можно было даже видѣть. Winer. Realwörterb.

(2) У Марк. 2, 26 при упоминаніи о томъ же событіи названъ Авіааръ. Предполагаютъ, что евангелистъ назвалъ вмѣсто отца сына, который за старостію отца уже исправлялъ первосвященническія обязанности. Но имѣя въ виду 2 Цар. 8, 17 и 1 Цар. 18, 16, пужно отдать предпочтеніе другому предположенію, что какъ отецъ, такъ и сынъ носили двойное имя: Ахимелехъ-Авіааръ.

дѣлѣ, ему порученномъ, и попросилъ у первосвященника хлѣба на дорогу и какое-нибудь оружіе, такъ какъ при поспѣшности не могъ будто бы захватить ни того, ни другаго. Первосвященникъ, не имѣя въ запасѣ другаго хлѣба, кромѣ священныхъ хлѣбовъ предложенія, далъ ему ихъ по нуждѣ, напомнивъ о ихъ святости и о предосторожностяхъ, съ какими слѣдуетъ ихъ ѣсть. Оказалось и оружіе, именно мечъ, взятый нѣкогда Давидомъ у Голиаѳа и хранившійся здѣсь, какъ трофей побѣды. Давидъ съ радостію взялъ его, находя, что лучшаго меча и быть не можетъ. Давидъ прибѣгнулъ здѣсь къ обману по крайней необходимости. Можно обвинять его здѣсь въ недостаткѣ упованія на Промыслъ Божій, но нельзя и не извинить, какъ человѣка. Стараться выставить этотъ поступокъ его чуждымъ всякой неблагоприятной тѣни столько же неумѣстно, сколько нелѣпо и наоборотъ—считать его изъ-за этого лишеннымъ всякаго права на уваженіе за всѣ другіе подвиги вѣры. Можетъ быть Давидъ и не побоялся бы открыть первосвященнику правду. Но здѣсь въ это время случился Доикъ, вѣрный слуга Саула, съ значеніемъ котораго при дворѣ мы уже знакомы, — самый опасный человѣкъ для Давида въ данномъ случаѣ. Доикъ погубилъ бы его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы уйти въ безопасное мѣсто. Можетъ быть Давидъ боялся и за Ахимелеха, котораго онъ подвергалъ опасности уже тѣмъ, что явился къ нему, будучи въ опалѣ. Поставивъ же дѣло такъ, что Ахимелехъ, оказывая ему услугу, думалъ, что оказываетъ услугу какъ бы самому царю, Давидъ разсчитывалъ отстранить бѣду отъ него. Доикъ же безъ сомнѣнія не зналъ, что произошло при дворѣ въ послѣдніе дни. Онъ былъ въ отлучкѣ, вѣроятно по своей должности,—какъ начальникъ надъ царскими пастухами, онъ объѣзжалъ пастбища и осматривалъ скотъ. Запасшись самымъ необходимымъ, Давидъ, не медля ни минуты, бросился къ ближайшей границѣ, путь къ которой лежалъ по

мѣстамъ наиболѣе пустыннымъ, и прибѣжалъ въ землю филистимлянъ, злѣйшихъ своихъ враговъ. Весьма вѣроятно, что Давидъ избралъ бы другое убѣжище; но неожиданная встрѣча съ Доикомъ принудила его сдѣлать самый рискованный шагъ. Единственный расчетъ его заключался въ томъ, что филистимляне могли найти для себя выгоднымъ не только не отомстить ему, но и оказать нѣкоторое покровительство даровитому военачальнику враждебнаго имъ царя. Народная молва, дошедшая и до филистимлянъ, давно прочила Давида на престолъ, и пребываніе такого человѣка во владѣніяхъ иноземнаго и враждебнаго царя, должно было причинять большое безпокойство Саулу. Однако филистимляне чувствовали себя еще настолько сильными, что не нуждались въ какихъ-нибудь побочныхъ средствахъ для борьбы съ Сауломъ. Царь геоскій Анхусъ принялъ было Давида подъ свое покровительство. Но вліятельная филистимская аристократія разсуждала иначе. Она не скрывала своего озлобленія передъ царемъ, напоминая ему, что это тотъ самый Давидъ, котораго прославляли за пораженіе десятковъ тысячъ филистимлянъ. Положеніе Давида сдѣлалось до того опаснымъ, что ему одинокому, окруженному врагами ничего не осталось сдѣлать, какъ принять на себя видъ сумасшедшаго, чтобы возбудить къ себѣ то состраданіе, смѣшанное со страхомъ, которое всегда люди испытываютъ при видѣ сумасшедшихъ. Онъ превосходно разыгралъ свою роль: лишилъ свое лицо осмысленнаго выраженія, чертилъ странныя фигуры на воротахъ, прохаживался на четверенькахъ, и пускалъ слюну себѣ на бороду. Сумасшедшіе въ древности считались одержимыми божествомъ и потому были неприкосновенны, замѣчаетъ Гретцъ⁽¹⁾. Не знаемъ, имѣли ли такой взглядъ филистимляне; но вѣрно то, что никакое несчастіе не возбуждаетъ такого глубокаго

(1) Вышеук. соч. т. I. стр. 206.

состраданія, какъ сумасшествіе. Человѣкъ не въ состояніи мстить своему злѣйшему врагу, если послѣдній сошелъ съ ума. И какое удовлетвореніе дала бы месть субъекту, который ничего не понимаетъ? Кроме того видъ сумасшедшаго всегда производитъ невыносимо-тяжелое впечатлѣніе. Анхусъ потребовалъ, чтобы Давида убрали изъ земли филистимской, въ которой по его словамъ было довольно и своихъ сумасшедшихъ. Давидъ этого именно и желалъ. Онъ направился въ пустынную часть Іудиныхъ горъ по направленію отъ Геоа къ Виелеему и поселился въ пещерѣ Адолламской, которая, какъ и многія пещеры іудейскія, представляла превосходныя средства для защиты отъ преслѣдованія. Какимъ-то образомъ семья его отца узнала о его мѣстопробываніи. Она уже вѣроятно чувствовала надъ собой грозу и, спасаясь отъ мести Саула, переселилась въ убѣжище Давида. Сюда же стали собираться всѣ, кому жить въ обществѣ стало невыносимо: должники, ограбленные своими кредиторами и не нашедшіе суда надъ своими притѣснителями, люди, не считавшіе свою жизнь въ безопасности, недовольные правленіемъ Саула, злоупотребленіями его любимцевъ, словомъ — всѣ „огорченные душею“, какъ выражается лѣтописецъ, т. е., такъ или иначе пострадавшіе отъ неурядицы, господствовавшей въ государствѣ при сумасбродномъ царѣ. Такихъ людей набралось около Давида до 400, и такимъ образомъ онъ явился во главѣ отряда рѣшительныхъ людей, готовыхъ на все для защиты себя и своего вождя. Но его стѣсняла въ его бездомной жизни семья отца. Поэтому онъ рѣшился уйти въ такое мѣсто, которое было бы совершенно недоступно Саулу. Онъ переправился на восточную сторону Мертваго моря (не обходомъ, который былъ опасенъ и съ той и съ другой стороны, а какъ полагаютъ, перейдя его вбродъ въ одномъ изъ мелкихъ мѣстъ) и, испросивъ позволеніе моавитскаго царя, поселился на одной возвышенности (Массифа Моавитская). Мо-

авитскій царь ничего не имѣлъ противъ этого, потому что Давидъ намекнулъ ему на возможный поворотъ его (Давида) судьбы въ будущемъ. Вообще Давидъ, горячо преслѣдуемый Сауломъ, прославившійся военными подвигами и стоявшій теперь во главѣ немногочисленной, но сильной дружины, разсматривался сосѣдними царями какъ соперникъ Саула, какъ будущій царь евреевъ. Поэтому и царь аммонитскій Наасъ, потерпѣвшій жестокое поражение отъ Саула, узнавъ о сосѣдствѣ Давида, завязалъ съ нимъ дружественныя сношенія ⁽¹⁾. Вообще Давидъ могъ здѣсь хорошо устроиться и спокойно выжидать событій въ отечествѣ, не встрѣтившись ни разу болѣе съ Сауломъ. Но водимый Богомъ умъ пророковъ находилъ, что ему не слѣдовало во-первыхъ оставаться долгое время въ зависимости отъ сосѣднихъ языческихъ царей, пользуясь ихъ милостями, во-вторыхъ — жить вдали отъ своего народа, не принимая никакого дѣятельнаго участія въ его судьбахъ. Поэтому Давидъ, оставивъ свое семейство подъ покровительствомъ моавитскаго царя, перешелъ на западную сторону Мертваго моря и поселился въ лѣсу Хереть ⁽²⁾. Приходъ Давида встревожилъ Саула. Онъ собралъ своихъ приближенныхъ и краснорѣчиво убѣждалъ ихъ открыть ему нить заговора противъ него. Никто изъ природныхъ евреевъ ничего не могъ сказать. Но вотъ выступилъ доносчикъ, Доикъ идумеянинъ. Онъ сказалъ: „я видѣлъ, какъ сынъ Иессея приходилъ въ Номву къ Ахимелеху, сыну Ахитува. И тотъ вопросилъ о немъ Господа и далъ ему продовольствіе и мечъ Голяаа отдалъ ему“. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе сообщеніе о фактѣ, неизвѣстномъ изъ предыдущаго. Ахимелехъ, говоритъ Доикъ, спросилъ Господа о чемъ-то для Давида. Такъ обыкновенно и полагаютъ, основываясь на по-

⁽¹⁾ 2 Цар. 10, 2. 1 Пар. 19, 2.

⁽²⁾ Глухая мѣстность, повидимому между Хеврономъ и Энгади.

казаніи Доика, повторенномъ Сауломъ при допросѣ, и на отвѣтъ Ахимелеха Саулу, что Давидъ дѣйствительно пожелалъ спросить Господа, и Ахимелехъ спросилъ для него. Филаретъ даже прямо говоритъ: „Давидъ пришелъ въ Номру къ Ахимелеху, дабы спросить Господа о пути своемъ“ ⁽¹⁾. Но почему же въ повѣствованіи о посѣщеніи Давидомъ Ахимелеха не упомянуто объ этомъ важномъ обстоятельстве ни полсловомъ? Показаніе Доика намъ кажется рѣшительно подозрительнымъ. Повтореніе его Сауломъ ничего не значитъ. Остается отвѣтъ Ахимелеха. Но этотъ отвѣтъ едва ли можетъ рѣшить вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Вотъ этотъ отвѣтъ. Отвѣчая на вопросъ, зачѣмъ онъ сдѣлалъ то и то для Давида, онъ говорилъ: „кто изъ всѣхъ рабовъ твоихъ вѣренъ, какъ Давидъ? Онъ и зять царя, и исполнитель повелѣній твоихъ, и почтенъ въ домѣ твоёмъ. Теперь ли я сталъ вопрошать для него Бога? Нѣтъ, не обвиняй въ этомъ, царь, раба своего“. Не совсѣмъ ясное выраженіе: „теперь ли я сталъ вопрошать для него Бога?“ — для большей ясности переиначиваютъ такъ: „развѣ я въ первый разъ вопрошаю для него Бога“ ⁽²⁾? Богословскій видоизмѣняетъ еще болѣе: „и возможное ли дѣло, чтобы я сталъ вопрошать для него Бога во вредъ тебѣ“ ⁽³⁾? А Гретцъ уже придаетъ совсѣмъ иной смыслъ, находя здѣсь утвержденіе Ахимелеха, что онъ сдѣлалъ это только въ первый разъ ⁽⁴⁾. Ясно, что текстъ неудобно понятенъ и допускаетъ разные смыслы. Гретцъ, соглашаясь, что Давидъ вопрошалъ Бога чрезъ Ахимелеха, находитъ однако, что

⁽¹⁾ Начерт. Церк.-библ. исторіи. Стр. 233. Тоже буквально у Будея: ut Deum de itinere suo... consuleret. Указ. соч. стр. 63. Тоже утверждаетъ и Эвальдъ, ссылаясь на оправдательную рѣчь Ахимелеха. Указ. соч. стр. 107.

⁽²⁾ Hess. Biblische Geschichte alten und neuen Testaments. Zürich. 1826. В. 7. s. 162.

⁽³⁾ Свящ. исторія ветх. завѣта. С.-Петербург. 1857 г. стр. 238.

⁽⁴⁾ Вышеук. соч. т. I, стр. 205.

это было преступлениемъ закона; потому что, говорить онъ, „только царь имѣлъ право требовать отъ первосвященника предсказанія“. Поэтому де Ахимелехъ и оправдывался тѣмъ, что думалъ, будто онъ сдѣлалъ это для зятя царя, какъ бы для самого царя, и притомъ въ первый разъ... Принимая во вниманіе, что фактъ вопрошенія Бога не упомянуть лѣтописцемъ въ разсказѣ о посѣщеніи Давидомъ Ахимелеха, что показаніе Доика подозрительно, что отвѣтъ первосвященника Саулу переводится и толкуется разнo, что наконецъ вопрошали Бога чрезъ первосвященника торжественно и въ случаяхъ общенародной важности, мы думаемъ, что проще и сообразнѣе съ существомъ дѣла будетъ такое предположеніе: Давидъ вовсе не вопрошалъ Бога, и Ахимелехъ не давалъ ему предсказанія; это злостная выдумка Доика, которою онъ сообщилъ своему доносу наибольшую важность, потому что въ данномъ случаѣ именно фактъ вопрошенія Бога и былъ бы самымъ тяжкимъ преступленіемъ, состоявшимъ съ одной стороны въ самовольномъ присвоеніи себѣ царской прерогативы, съ другой—въ соизволеніи этому присвоенію (¹). Усердіе

(¹) Такому предположенію благоприятствуетъ и контекстъ рѣчи. Саулъ спросилъ первосвященника: «для чего вы сговаривались противъ меня, ты и сынъ Иссея, что ты далъ ему и хлѣбъ и мечъ и вопросилъ о немъ Бога?» Первосвященникъ, не оправдываясь въ первомъ, т. е., въ томъ, что онъ будто сговорился съ Давидомъ противъ Саула, потому что это не фактъ, а выводъ, который долженъ пасть самъ собою съ отрицаніемъ факта, не оправдываясь и въ томъ, что далъ Давиду хлѣбъ и мечъ, потому что фактъ этотъ самъ по себѣ безразличенъ,—отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Давидъ твой вѣрнѣйшій рабъ твой зять, исполнитель твоихъ порученій. Теперь ли я сталъ вопрошать для него Бога? Нѣтъ, не обвиняй въ *этомъ*, царь, раба своего... Въ чемъ «въ *этомъ*»? Очевидно, въ вопрошеніи Бога, потому что первосвященникъ, ощутивъ все остальное, говоритъ только о вопрошеніи Бога и только въ немъ оправдывается. Выраженіе: «не обвиняй въ *этомъ*» можетъ означать не только отрицаніе преступности факта, но и отрицаніе самаго факта. А что первосвященникъ отрицалъ не преступность только факта (потому будто бы, что онъ вопрошая Бога для Давида, вопрошалъ какъ бы для самого царя), а самый фактъ, это можно ви-

Доика увѣнчалось вполнѣ. Раздраженный противъ Давида до послѣдней степени и не имѣя его въ рукахъ, Саулъ вообразилъ, что открылъ его соучастниковъ, и излилъ на нихъ всю силу своего безумнаго гнѣва. Послѣ короткаго допроса, не принимая во вниманіе оправданій, Саулъ осуждаетъ на смерть Ахимелеха и все его родство. Никто изъ природныхъ

дѣтъ изъ болѣе точнаго пониманія словъ: «теперь ли я сталъ вопрошать (לָשׂוֹא לַיהוָה) для него Бога?» (Собственное, первоначальное значеніе глагола לָשׂוֹא — просверливать, прокалывать; затѣмъ онъ всего болѣе употребляется въ значеніи: убивать, поражать, ранить, какъ Іезек. 28, 9. Ис. 51, 9; 53, 5; также въ значеніи: оскорблять, бесславить, нарушать, какъ Числ. 30, 3. Іезек. 25, 3; 39, 7. Наконецъ этотъ глаголъ значить иногда и просто: сталъ, началъ (что-либо дѣлать). Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ видно изъ мѣстъ, гдѣ онъ встрѣчается, онъ означаетъ не простое начинаніе, какъ *נָסַח*, Втор. 1, 5. 1 Цар. 17, 39, а какое-нибудь особенное, такъ что его первоначальный смыслъ, заключающій въ себѣ понятіе разрушенія, силы, и также отваги, нѣсколько удерживается, напр.: «сей (Нимродъ) *началъ* быть силенъ на землѣ», т. е., какъ нужно предпологать, Нимродъ былъ первымъ царемъ-завоевателемъ или первымъ организаторомъ военной силы. Быт. 10, 8. «Съ сего дня я *начну* распространять страхъ и ужасъ предъ тобою на народы подъ всѣмъ небомъ». Втор. 2, 25. «И онъ (Самсонъ) *начнетъ* спасать Израиля отъ руки филистимлянъ», т. е., собственно *начнетъ* поражать филистимлянъ. «И *началъ* духъ Господень дѣйствовать въ немъ въ станѣ Дановомъ»—значеніе тоже, что и выше. Суд. 13, 5. 25. «Что они *начали* дѣлать, и не отстанутъ они отъ того». Здѣсь разумѣется дерзкое предпріятіе людей въ землѣ Сennaаръ, Быт. 11, 6, и потому ближе къ сущности дѣла это мѣсто можно бы было перевести такъ: на что они отважились, дерзнули, отъ того не отстанутъ. И вообще во всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстахъ, кромѣ Втор. 2, 25, смыслъ, заключающійся въ глаг. לָשׂוֹא, можетъ быть выраженъ порусски словами: возимѣлъ мужество, или смѣлость, отважился, дерзнулъ. Точно такъ же и въ отвѣтѣ первосвященника слова: לָשׂוֹא לַיהוָה всего лучше по нашему убѣжденію перевести такъ: осмѣлился или дерзнулъ спросить. Такимъ образомъ смыслъ всего отвѣта первосвященника долженъ быть такой: Давидъ самое близкое, самое довѣренное лицо у царя. Теперь ли, т. е., при такихъ ли обстоятельствахъ я дерзнулъ бы спросить для него Бога? Нѣтъ, этого не было. Первосвященникъ какъ бы говорилъ этимъ: если бы и случилось, что Давидъ предложилъ бы мнѣ спросить для него Бога, я подумалъ бы, что онъ просто искушаетъ мою вѣрность царю, и отказался бы.

евреевъ не рѣшился исполнить безбожный приговоръ надъ священниками. Но и это не образумило Саула; онъ приказалъ Доику, и тотъ хладнокровно обезглавилъ 85 священниковъ. Этого мало—весь городъ Номва подвергся проклятію: всѣ его жители, мужчины и женщины, старики и младенцы и весь скотъ были избиты. Такъ безгранично обнаружилъ себя деспотизмъ уже въ первомъ царѣ еврейскомъ, тотъ самый деспотизмъ, котораго боялся и на который указывалъ народу пророкъ Самуиль. Какимъ-то чудомъ спасся только сынъ Ахимелеха Авиааръ. Онъ захватилъ съ собою эфодъ, важнѣйшую принадлежность первосвященническаго облаченія, и убѣжалъ къ Давиду. Ему негдѣ было въ иномъ мѣстѣ искать спасенія отъ Саула. Кромѣ того при Давидѣ, котораго уже многіе признавали самостоятельнымъ царемъ, онъ сохранялъ свое званіе первосвященника. Такимъ образомъ Саулъ самъ своею жестокостію и безтактностію доставилъ Давиду одну изъ важнѣйшихъ царскихъ прерогативъ — возможность вопрошать Бога чрезъ первосвященника въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Давидъ мало по малу дѣлался царемъ фактически.

Между тѣмъ филистимляне, ободренные тѣмъ, что Саулъ не пользовался услугами Давида, напали на одинъ изъ ближайшихъ къ нимъ еврейскій городъ Кеиль⁽¹⁾. Давидъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился доказать и филистимлянамъ, и евреямъ, что онъ попрежнему защищаетъ свой народъ. Онъ предпринялъ походъ на филистимлянъ, успокоивъ своихъ сподвижниковъ, немного струсившихъ, божественнымъ откровеніемъ, обѣщавшимъ успѣхъ, напалъ на враговъ врасплохъ, разбилъ ихъ и овладѣлъ богатой добычей. Полагая, что жители Кеиля въ благодарность за спасеніе дадутъ ему у себя убѣжище, Давидъ остался было въ ихъ городѣ. Но жители Кеиля боялись мо-

⁽¹⁾ Къ востоку отъ Элеверополяса по направленію къ Хеврону. Onomast. Ceila.

гущественнаго и свирѣпаго Саула и не обнаружили желанія дѣло Давида сдѣлать своимъ дѣломъ. Откровеніе Божіе чрезъ первосвященника не оставляло въ этомъ никакого сомнѣнія. Саулъ же, узнавъ, что Давидъ оставилъ лѣса и горы и поселился въ городѣ, обрадовался: „въ городѣ, думалъ онъ, легче взять его“, — и началъ собирать громадное ополченіе. Но Давидъ поспѣшно ушелъ изъ Кеиля и сталъ постоянно переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы нельзя было направить на него сосредоточенныхъ силъ. Дружина его возросла до 600 человекъ. Саулъ отмѣнилъ походъ; не переставалъ постоянно наводить справки о мѣстопребываніи Давида, который держался въ гористой и лѣсистой мѣстности между Хеврономъ и Энгадди (пустыня Зифъ). Ионаанъ еще разъ рѣшился повидаться съ Давидомъ. Его видимо беспокоила его собственная судьба, и онъ еще разъ хотѣлъ увѣриться въ неизмѣнности чувствъ Давида къ нему послѣ всего, что произошло между нимъ и его отцомъ. При свиданіи Ионаанъ высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что Давиду суждено быть царемъ надъ Израилемъ, и заявилъ, что онъ уступаетъ ему это преимущество. Могъ ли въ самомъ дѣлѣ Ионаанъ послѣ возмутительной рѣзни въ Номвѣ думать, что весь народъ еврейскій не проникнуть самую глубокую ненавистію ко всему дому Саулову? Мрачный деспотизмъ Саула помрачилъ и славу подвиговъ Ионаана. Масса разсуждала просто: отецъ герой, но жестокой деспотъ; и сынъ тоже герой, но это не помѣшаетъ и ему сдѣлаться такимъ же тираномъ, какъ и отецъ. Самуиль давно помазалъ другаго царя, а священники трепетали при одной мысли, что на престолѣ будетъ сынъ того человека, который безбожно наругался надъ ихъ священнымъ сословіемъ и надъ закономъ. Поэтому мы не столько удивляемся самоотверженію Ионаана, обыкновенно здѣсь прославляемому, сколько отдаемъ честь его трезвому взгляду на вещи, его свѣтлому уму, господствовавшему надъ

чувствомъ. Поклявшись снова остаться друзьями, Ионаанъ и Давидъ разстались, не предчувствуя, что это было ихъ послѣднее свиданіе. Ионаанъ возвратился домой, а Давидъ остался въ лѣсу. Но вотъ жители пустыни Зифъ вдругъ прониклись почему-то вѣрноподданническими чувствами къ Саулу, явились къ нему и донесли, что Давидъ скрывается въ ихъ области и что они помогутъ царю поймать его. Вѣроятно они надѣялись получить отъ Саула богатую благодарность. Саулъ обласкалъ ихъ и наказалъ имъ выслѣдить мѣстопребываніе Давида какъ можно тщательнѣе, — „ибо, говорилъ онъ, мнѣ сказывали, что онъ очень хитеръ“. Зифеи пошли разыскивать пристанище Давида, который уже успѣлъ перемѣнить его, спустившись нѣсколько южнѣе, въ пустыню Маонъ. Получивши нужныя свѣдѣнія, Саулъ погнался за Давидомъ. Онъ настигъ его въ одномъ мѣстѣ; но тотчасъ поймать его не удалось, потому что между ними случилась утесистая гора, которая совершенно преградила путь Саулу, и въ то время, какъ Саулъ двигался по одну сторону горы, Давидъ спокойно удалялся отъ него по другую сторону. Тогда Саулъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части, чтобы обходить гору съ двухъ сторонъ. Давидъ оказался въ критическомъ положеніи, — ему приходилось вступить въ битву, успѣхъ которой хотя и могъ быть на его сторонѣ, но онъ никогда не желалъ имѣть кровопролитнаго столкновенія съ Сауломъ. На этотъ разъ его спасла неожиданность: Саулъ вдругъ получаетъ извѣстіе, что филистимляне сдѣлали вторженіе въ его землю. Онъ бросилъ погоню и поспѣшилъ навстрѣчу филистимлянамъ. Послѣ этого Давидъ перешелъ въ болѣе безопасное мѣсто къ Энгадди, на скалистый берегъ Мертваго моря. Саулъ собралъ 3000 отборныхъ воиновъ и, горя нетерпѣніемъ, съ безразсудной смѣлостію устремился въ горы, по которымъ прыгали только серны. Давидъ не расположенъ былъ оставлять эти горы, потому что здѣсь всѣ преимущества

были на его сторонѣ: онъ могъ и спрятаться всегда, и противостать открытою силою въ случаѣ необходимости. Саулъ же, вообразивъ, что Давидъ въ страхѣ бѣжитъ отъ него, отбросилъ всякую осторожность, оставлялъ далеко позади себя свой конвой и одинъ выслѣживалъ Давида, какъ охотникъ звѣря. Въ одну изъ такихъ экскурсій горная тропинка привела его къ пещерѣ, въ которую пастухи загоняли овецъ на ночь, и онъ зашелъ въ нее для нужды (¹). А въ этой пещерѣ скрывался Давидъ съ своими людьми. Въ-место того, чтобы дѣлать утомительные переходы по горамъ, онъ предпочелъ сидѣть въ пещерѣ, которая или совсѣмъ могла скрыть его отъ Саула, или же въ случаѣ, если бы Саулъ открылъ его тамъ, представляла возможность легко отбить нападеніе. (Нѣкоторыя изъ пещеръ іудейскихъ состоятъ изъ многихъ отдѣленій, соединенныхъ между собою узкими проходами, тянутся на нѣсколько верстъ и имѣютъ другіе выходы. Горсть людей, заранѣе изучившихъ такую пещеру, безъ всякой опасности могла ожидать нападенія цѣлой арміи). Давидъ, не имѣвшій намѣренія губить Саула, рѣшился доказать ему это самымъ очевиднымъ и выразительнымъ образомъ и тѣмъ устыдить своего врага. Онъ приказалъ своимъ людямъ сидѣть смирно (Саулъ, вошедши съ яркаго свѣта въ полумракъ пещеры, ничего не различалъ въ глубинѣ ея), а самъ, тихонько подкравшись, отрѣзалъ край верхней одежды Саула, которая вѣроятно была сброшена имъ на время въ сторонѣ. Но и это безвредное дѣйствіе показалось чувствительной душѣ Давида до того унижительнымъ для Саула, что онъ раскаялся въ немъ, и когда его люди, недовольные

(¹) וַיִּבְרַח דָּוִד וַיֵּשֶׁב בְּצִלְעַל הַבְּעֵרָה. буквально: прикрыть свои ноги. Эвальдъ почему-то болѣе склоняется къ мысли, что Саулъ зашелъ въ пещеру отдохнуть (уснуть) отъ усталости; выраженіе же: «прикрыть свои ноги» по его предположенію значитъ: «безъ одѣяла». (?) Указ. соч. стр. 125. По общему же мнѣнію здѣсь просто euphemismus—figura rhetorica, quae res dictu auditivo ingrata nomine molliori affertur. Справ. Суд. 3, 24.

его мягкосердечіемъ, хотѣли было напасть на Саула, онъ удержалъ ихъ. Сауль, не замѣтивъ ничего, вышелъ на дорогу. Давидъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, окликнулъ его, и когда тотъ оглянулся, воздалъ подобающее почтеніе ему (поклонился до земли). Пораженный Сауль стоялъ, а Давидъ началъ говорить ему. Въ сильныхъ словахъ обличалъ онъ жестокость и несправедливость къ нему Саула, показывалъ край его одежды, какъ доказательство своего незлобія и великодушія, и между прочимъ говорилъ: „пусть разсудитъ Господь между мною и тобою и да отмститъ тебѣ Господь за меня; но рука моя не будетъ на тебѣ. Противъ кого же ты вышелъ, царь израильскій, за кѣмъ ты гоняешься?“. До боли стыдно стало Саулу; онъ назвалъ Давида сыномъ и заплакалъ. Онъ вполнѣ созналъ свою несправедливость и великодушіе Давида и до того расчувствовался, что предсказалъ ему счастливое царствованіе и просилъ быть великодушнымъ къ его потомству. Давидъ далъ клятву, и они разошлись. Пригласить къ себѣ Давида снова Сауль постыдился; да и напрасно было приглашать, — Давидъ не могъ и думать о возвращеніи къ нему, зная измѣнчивость его чувствъ.)

Въ это время умеръ Самуилъ и былъ оплаканъ всѣмъ Израилемъ, вѣроятно искренно; потому что теперь евреи не могли уже двусмысленно толковать сопротивление его избранію царя. Но дѣло Самуила не погибло. Его разсадники просвѣщенія въ пророческомъ духѣ продолжали существовать и послѣ него, подготавливая нравственно-сильныхъ людей для борьбы съ человѣческими заблужденіями, для охраненія чистоты истинной религіи. Мы имѣемъ въ самой Библии краткую характеристику высокой нравственной личности Самуила и перечисленіе его важнѣйшихъ заслугъ. Восхваляя древнихъ знаменитыхъ мужей въ средѣ еврейскаго народа, сынъ Сираховъ о Самуилѣ говорить: „возлюбленный Господомъ своимъ Самуилъ, пророкъ Господень, учредилъ царство и помазалъ

царей народу своему. Онъ судилъ народъ по закону Господню, и Господь призывалъ на Иакова. По вѣрѣ своей онъ былъ истиннымъ пророкомъ, и въ словахъ его дознана вѣрность видѣнія. Онъ истребилъ вождей тирскихъ (¹) и всѣхъ князей филистимскихъ. Еще прежде времени вѣчнаго успокоенія своего онъ свидѣтельствовался передъ Господомъ и помазанникомъ его: имущества, ни даже обуви я не бралъ ни отъ кого, — и никто не укорилъ его“ (²).

Давидъ хотя и могъ теперь нѣкоторое время не опасаться Саула, но у него были и другія затрудненія, удручавшія его едва ли не болѣе самыхъ преслѣдованій Саула. Его дружинѣ нужно было ѣсть и одѣваться. Откуда было получать необходимое для жизни? Принужденные скрываться въ мѣстахъ пустынныхъ, слѣдовательно болѣею частію бесплодныхъ, и притомъ не имѣя возможности долго оставаться на одномъ мѣстѣ, люди Давида не могли заняться правильно ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ. Нужно удивляться, какимъ образомъ они добывали себѣ пропитаніе. Можно догадываться только, что ихъ существованіе поддерживалось отчасти необычнымъ, для нынѣшнихъ людей едва понятнымъ, гостепріимствомъ древнихъ, отчасти добычею, какую удавалось брать при стычкахъ съ пограничными врагами евреевъ. По одному характеристическому факту, переданному дѣеписателемъ, можно судить, какимъ неприятнымъ случаямъ могъ иногда подвергаться Давидъ такой родъ жизни. Сдѣлавъ довольно отдаленный походъ до пустыни Фаранъ (сѣверная часть Аравійской пустыни), вѣроятно для наказанія какихъ-нибудь хищныхъ кочевниковъ, наносившихъ вредъ стадамъ евреевъ, занимавшихся обширнымъ скотоводствомъ въ южныхъ, неудобныхъ для земледѣлія предѣлахъ своей земли,

(¹) Вѣроятно при Самуилѣ была война съ какими-нибудь сѣверными хананейскими народами, если не съ самими финикіянами.

(²) 46. 16.

Давидъ снова возвратился въ пустыню іудейскую, прилегающую къ Мертвому морю. Недалеко отсюда, въ Маонѣ, жилъ богатый владѣлецъ стадъ. Звали его Наваль. Безъ сомнѣнія это было не подлинное его имя, а прозвище, данное народомъ, какъ нравственная характеристика; потому что „наваль“ значитъ: безразсудный. Онъ поражалъ окружающихъ дикостію своего характера, и народный юморъ, скрывъ его настоящее, можетъ быть вовсе къ нему не подходившее имя, утвердилъ за нимъ названіе самодура ⁽¹⁾. Этотъ Наваль отправился въ Кармилъ (городъ на югѣ Палестины) праздновать стрижку овецъ. На этотъ праздникъ у богатыхъ заготовлялось большое количество съѣстныхъ припасовъ. Вѣроятно раздавались и подарки гостямъ, а также пастухамъ, заслужившимъ благоволеніе хозяина тщательною охраною стадъ. Давидъ, изыскивавшій всѣ средства доставить пропитаніе своей дружинѣ, согласно обычаю, не при немъ установившемуся, и рассчитывая на благодушіе и благодарность богача, послалъ къ Навалу нѣкоторыхъ изъ своихъ людей поздравить его съ праздникомъ и скромно попросить что-нибудь изъ приготовленнаго для праздника. Давидъ рассчитывалъ здѣсь на благодарность Навала за то, что его люди, по роду жизни похожіе на тѣхъ праздныхъ наѣздниковъ, отъ которыхъ владѣльцы стадъ много терпѣли, не только ничего не похитили изъ стадъ Навала, но и оберегали ихъ отъ этихъ хищниковъ, были оградою для пастуховъ его, какъ говорили сами пастухи Наваловы. За неимѣніемъ другаго, болѣе широкаго поприща дѣятельности Давидъ употреблялъ свою силу на защиту южныхъ окраинъ своего будущаго государства отъ мелкихъ, но назойливыхъ враговъ. Но Наваль показалъ, что онъ не даромъ носилъ свое прозвище. Выслушавъ скромную рѣчь пословъ Дави-

(1) У евреевъ рядомъ съ именами являлись и прозванія. Извѣстно, напр., почетное прозваніе Гедеона-героваалъ.

довыхъ, онъ пришелъ съ чего-то въ ярость, вскочилъ и закричалъ: „кто такой Давидъ и кто такой сынъ Іессевъ? Нынѣ стало много рабовъ, бѣгающихъ отъ господъ своихъ. Неужели мнѣ взять хлѣбы мои и воду мою, и вино мое, и мясо, приготовленное мною для стригущихъ овецъ у меня, и отдать людямъ, о которыхъ не знаю, откуда они?“.. Давидъ могъ ожидать отказа и вѣроятно спокойно бы отнесся къ нему, но онъ не ожидалъ такого жестокаго оскорбленія, такого униженія своей личности. Кто такой былъ Наваль, который осмѣлился назвать бѣглымъ рабомъ Давида, потомка свободной и знатнѣйшей фамиліи, прославившагося подвигами во всемъ Израилѣ, удостоеннаго великимъ пророкомъ тайнаго помазанія на царство? Не имѣя еще того смиреннаго духа, которымъ удивилъ міръ впоследствии, и не сообразивъ, что имѣетъ дѣло съ „наваломъ“, Давидъ вскипѣлъ гнѣвомъ и рѣшилъ жестоко отомстить за обиду вооруженною рукою. Но кровопролитное дѣло предотвратила благоразумная жена Навала Авигея. Узнавъ о происшествіи, она безъ вѣдома мужа, не медля ни минуты, изготовила богатые подарки и поѣхала навстрѣчу Давиду, который уже шелъ съ своимъ отрядомъ въ Кармилъ. Встрѣтившись съ Давидомъ, она поклонилась ему до земли и обратилась къ нему съ пространною, исполненною необыкновеннаго ума и такта рѣчью. Она смиренно просила извиненія, объясняла неприятность общепризнанной, не отвергаемой и ею, глупостью Навала, выставляла предыдущую дѣятельность Давида, какъ заслугу предъ Богомъ, и тонко намекнула, что будущему царю надъ евреями не мѣшаетъ удержать руку отъ пролитія крови еврейской. Давидъ былъ пораженъ, одумался, поблагодарилъ Авигею, принялъ подарки и возвратился въ свое мѣсто. Навалу однако не прошла даромъ его послѣдняя глупость. Когда Авигея возвратилась домой, праздникъ былъ во всемъ разгарѣ, и Наваль уже совершенно былъ пьянъ. Авигея вѣроятно хо-

рошо знала, что такое пьяный Наваль, и потому не рѣшилась сказать ему сейчасъ о томъ, что произошло и что она сдѣлала безъ его вѣдома. На другой же день она рассказала ему все, какъ было. Услыхавъ о грозившей, хотя и миновавшей опасности, Наваль онѣмѣлъ отъ ужаса. Какъ и всѣ глупые и дерзкіе люди, онъ былъ трусь. Къ тому же, предаваясь въ излишествѣ пьянству, онъ разстроилъ свои нервы, которые послѣ оргій приходили въ величайшее напряженіе. Съ нимъ сдѣлался обыкновенный въ этихъ случаяхъ ударъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться и чрезъ 10 дней умеръ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по окрестностямъ, и Давидъ, не переставшій изыскивать источники пропитанія для себя и дружины и сохранившій свѣтлое воспоминаніе объ умѣ и мужествѣ Авигей, рѣшился сдѣлать предложеніе богатой вдоргъ, несмотря на то, что у него уже повидимому ⁽¹⁾ была жена — Ахиноама изъ Изреела, взятая имъ вѣроятно послѣ того, какъ онъ разлученъ былъ съ Мелхолой, которую Саулъ отдалъ другому мужу. Авигей съ почительной радостью приняла предложеніе и сдѣлалась женой Давида. Давидъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ богатства Навала, продолжалъ держаться въ пустынѣ Зифъ, близъ Кармила. Полагая, что Саулъ уже не будетъ беспокоить его, онъ вѣроятно попробовалъ заняться правильнымъ хозяйствомъ и занялъ своими стадами пастбища въ окрестностяхъ. Это не понравилось зифеямъ, которые съ неудовольствіемъ и страхомъ смотрѣли на богатаго и могущественнаго сосѣда, стѣснявшаго ихъ полудикую, чуждую всякаго порядка и законности жизнь. Они снова явились къ Саулу и соблазнили его надеждой поймать Давида, основавшагося повидимому прочно на одномъ мѣстѣ и не могшаго, какъ прежде, скрывать своихъ слѣдовъ внезапными

(1) См. 2 Цар. 3, 2. 3.

переходами и исчезновеніями въ подземельяхъ. Такъ по нашему мнѣнію могла произойти послѣдняя попытка Саула схватить Давида, которую нѣкоторые отвергають на томъ основаніи, что она очень сходна съ предыдущей и что поэтому рассказъ о ней будто только вариантъ. Эта попытка кончилась для Саула тѣмъ же, чѣмъ и предыдущая. Различіе то, что тогда Саулъ попался въ руки Давида случайно, неожиданно для самого Давида; теперь же Давидъ нарочито слѣдилъ за Сауломъ, изыскивая случай снова поразить его и своимъ великодушіемъ, и своимъ счастьемъ, дающимъ ему возможность погубить Саула, если бы только онъ (Давидъ) этого захотѣлъ. Не давши Саулу дойти до того мѣста, гдѣ онъ рассчитывалъ настичь своего врага, Давидъ укараулилъ его во время безпечнаго отдыха, смѣло вошелъ съ однимъ изъ своихъ сподвижниковъ въ лагерь и похитилъ у спящаго царя его копье и сосудъ для воды. Затѣмъ удалившись на безопасное разстояніе, на трудно-доступный утесъ, онъ разбудилъ спящихъ, жестоко посмѣялся надъ Авениромъ, военачальникомъ Саула, и снова упрекнулъ послѣдняго въ жестокости. Саулъ снова раскаялся и со стыдомъ возвратился домой.

Давидъ не могъ однако долѣе выносить своего положенія въ предѣлахъ Саулова царства. Его стада, составлявшія теперь основной источникъ его жизненныхъ средствъ, требовали опредѣленнаго мѣстопробыванія; а между тѣмъ нельзя было не опасаться, что Саулъ вдругъ опять сдѣлаетъ нашествіе. Поэтому Давидъ вторично рѣшился уйти въ чужіе предѣлы. Куда же? Всего ближе въ богатую пастбищами равнину филистимскую. Вступивъ въ переговоры съ геокскимъ царемъ и получивъ его согласіе, онъ перекочевалъ въ филистимскую землю, и Саулъ, который должно быть опять собирался ловить его, не сталъ, сказано, болѣе искать его. Но покровительство Анхуса Давидъ долженъ былъ купить дорогой цѣной. Анхусъ смотрѣлъ на него, какъ на своего вассала

и обязывалъ его вредить своимъ врагамъ, евреямъ. Чтобы избавить себя отъ этого невозможнаго условія и въ тоже время не навлечь на себя подозрѣнія Анхуса, Давидъ выпросилъ для жилища себѣ удаленное отъ столицы мѣстечко на южной окраинѣ филистимской земли, называемое Секелагъ. Отсюда онъ предпринималъ походы съ своею дружиною какъ бы на востокъ, во владѣнія Саула; на самомъ же дѣлѣ уклонялся на югъ, разбивалъ хищническія племена, одинаково враждебныя какъ филистимлянамъ, такъ и евреямъ, и возвращался съ добычей, изъ которой часть вѣроятно отдавалъ Анхусу, какъ своему верховному государю (сюзерену). Изъ предосторожности онъ не бралъ плѣнныхъ, которые могли бы обнаружить истину, и такимъ образомъ Анхусъ былъ въ убѣжденіи, что Давидъ воюетъ съ своими единоплеменниками, противъ которыхъ ожесточенъ. Въ это время въ царствѣ Сауловомъ обстоятельства сдѣлались повидимому столь худы, что многіе начали выселяться изъ него. Такъ многіе сильные мужи изъ разныхъ колѣнъ пришли къ Давиду и отдались подъ его покровительство. Бѣжали не только изъ колѣна Іудина, родственнаго Давиду, но и изъ Гадова и даже изъ Вениаминова (*). Последнее обстоятельство было до того поразительно, что Давидъ даже усумнился: нѣтъ ли тутъ какого-нибудь злоумышленія противъ его личности. Но его опасеніе оказалось напраснымъ. Переселенцы эти весьма значительно увеличили собою военную силу Давида, потому что это были все люди мужественные и воинственные. Вениамияне „бросали камень правою и лѣвою рукою и стрѣляли изъ лука“, а гадяне „вооружены щитомъ и копьемъ; лица ихъ—лица лвиныя, и они быстры какъ серны на горахъ“ (**). Давидъ прожилъ въ Секелагѣ болѣе

(*) 1 Пар. 12, 1—16.

(**) 1 Пар. 12, 2. 8.

году, и Анхусъ сталъ считать его вѣрнымъ себѣ. Но вотъ филистимляне, зорко слѣдившіе за положеніемъ дѣлъ въ царствѣ Саула, нашли, что наступилъ удобный моментъ отомстить евреямъ за всѣ предыдущія пораженія. Саулъ, совсѣмъ ослабѣвшій нравственно и отчасти физически, былъ болѣе не страшенъ. Въ управленіи странною господствовали безпорядки. Подданные едва терпѣли своего царя. Все обшало успѣхъ. Анхусъ потребовалъ, чтобы Давидъ принялъ участіе въ походѣ. Давидъ отвѣчалъ двусмысленно: „нынѣ ты узнаешь, что сдѣлаетъ рабъ твой“. Анхусъ понялъ это въ благопріятномъ для себя смыслѣ и назначилъ Давиду почетный постъ около своей особы. Полагаютъ, что Давидъ не зналъ, что будетъ теперь съ его головой, какъ выйдетъ онъ изъ своего ужаснаго положенія, что только случай избавилъ его отъ необходимости принять дѣятельное участіе въ войнѣ противъ своихъ соотечественниковъ. Но намъ кажется, что Давидъ зналъ, какъ выйти изъ затрудненія. Онъ хорошо изучилъ отношенія при дворѣ филистимскаго царя; онъ видѣлъ, что къ нему расположенъ одинъ царь, вліятельные же вельможи, противъ воли которыхъ Анхусъ не могъ сдѣлать ничего важнаго, подозрительно смотрѣли на иностранца, овладѣвшаго довѣріемъ царя. Не стоило большаго труда незамѣтно для царя искусственно принять на себя подозрительный для этихъ вельможъ видъ: тайно разговаривать съ своими людьми, держаться особнякомъ, и проч., чтобы они окончательно встревожились и, не осмѣлившись сдѣлать явное насиліе Давиду, потребовали бы отъ царя удаленія Давида изъ войска. Такъ впоследствии и случилось; но начало похода Давидъ принужденъ былъ сдѣлать. На этотъ разъ филистимляне вторглись въ землю евреевъ не по прямому пути — въ южную ея часть, гдѣ тотчасъ могли встрѣтить войско Саула въ крѣпкихъ позиціяхъ, а сдѣлали обходъ къ сѣверу и проникли въ долину Взраелонскую, представляющую удобства

для дѣйствія ихъ конницы (1). Они сначала расположились на низменности подлѣ города Соама. Сауль собралъ войско, поспѣшилъ имъ навстрѣчу и остановился въ виду ихъ на горѣ Гелвуй, недоступной для конницы. Однако при взглядѣ на сильное непріятельское войско онъ упалъ духомъ — „крѣпко дрогнуло сердце его“. Это былъ уже не тотъ Сауль, который не зналъ страха на войнѣ и не считалъ количество своихъ враговъ. Года, житейскія тревоженія, болѣзни и сознание затаеннаго недовольства и недовѣрія подданныхъ сломили его духъ, подорвали вѣру въ себя. Не получивъ сверхъестественнаго ободренія ни чрезъ первосвященника, ни чрезъ пророка, ни даже въ какомъ-нибудь знаменательномъ сонномъ видѣннн, онъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи волшебства, того зловреднаго искусства, которое самъ нѣкогда искоренялъ въ народѣ, но очевидно не съ полнымъ убѣжденіемъ въ его суетности. Онъ отправился въ мѣстечко Аэндоръ, находившееся недалеко отъ стана, къ женщинѣ, обладавшей искусствомъ показывать тѣни умершихъ людей. Но здѣсь помимо волшебства произошло чудо: Богъ облекъ безплотную душу Самуила подобіемъ тѣла, и Сауль, объятый ужасомъ, услышалъ тотъ же неизмѣнный приговоръ, который слышалъ не разъ отъ Самуила во время его земной жизни. Съ отчаяніемъ въ душѣ онъ вернулся въ свой станъ. Между тѣмъ филистимляне, не желая нападать на евреевъ въ ихъ трудно-доступной позиціи, подвинулись къ краю долины Ездраелонской и расположились на нѣкоторомъ возвышеннн при Афекѣ. Здѣсь, въ виду еврейскаго войска, предъ рѣшительнымъ дѣломъ филистимскіе князья, т. е., подвластные Анхусу властители отдѣльныхъ филистимскихъ областей, возмутились видомъ Давида съ его

(1) Это самая обширная равнина во внутренней гористой части Палестины, орошаемая потокомъ Кисонъ. въ колѣнѣ Иссахаровомъ и отчасти Завулоновомъ.

отрядомъ испытанныхъ бойцовъ и потребовали рѣшительно, чтобы Анхусъ удалилъ его назадъ, въ филистимскую землю. Они не безъ основанія опасались, что Давидъ въ рѣшительную минуту обратитъ свое оружіе противъ филистимлянъ и нанесетъ имъ непоправимый вредъ. Анхусъ принужденъ былъ согласиться и извинившись передъ Давидомъ, отослалъ его въ Секелагъ. Давидъ съ радостію поспѣшилъ оставить невыносимый постъ въ станѣ враговъ своего отечества. Ему слѣдовало поспѣшить и по другой причинѣ. Въ его отсутствіе амаликитяне, воспользовавшись войной филистимлянъ съ евреями, отвлекшей силы тѣхъ и другихъ далеко на сѣверъ, сдѣлали набѣгъ на ихъ южные предѣлы, захватили множество добычи и между прочимъ сожгли Секелагъ, а женъ и дѣтей въ немъ оставшихся урели въ плѣнъ. Когда Давидъ и его люди пришли и узнали объ этомъ несчастіи, то пришли въ отчаяніе и плакали „доколѣ не стало въ нихъ силы плакать“. Затѣмъ воины ожесточились до того, что едва не побили Давида камнями, какъ виновника своего несчастія. Давидъ былъ сильно смущенъ этимъ обстоятельствомъ; но скоро онъ укрѣпилъ себя надеждою на Бога. Его войско еще увеличилось выходцами изъ колѣна Манассина и стало велико „какъ ополченіе Божіе“ (1). Получивъ чрезъ первосвященника благопріятное предсказаніе объ исходѣ своего предпріятія, онъ немедленно пустился въ погоню за врагами, которымъ неоткуда было быть, какъ съ юга. На дорогѣ онъ нашелъ больнаго, брошеннаго господиномъ раба, который назвалъ ему враговъ и указалъ направленіе, по которому они ушли. Давидъ настигъ амаликитянъ, разбилъ ихъ на-голову, отнялъ всю добычу и плѣнныхъ и возвратился съ радостнымъ сердцемъ въ Секелагъ. Хотя на возвратномъ пути произошелъ было раздоръ изъ-за добычи, которую участвовавшіе въ

(1) 1 Пар. 12, 19. 22.

дѣлѣ не хотѣли дѣлить съ оставшимися по причинѣ усталости назадъ, при обозѣ; однако Давидъ примирилъ враждующихъ и постановилъ закономъ войны навсегда: „какова часть (добычи) ходившимъ на войну, такова часть должна быть и оставшимся при обозѣ“. Изъ Секелага онъ разослалъ часть добычи жителямъ разныхъ мѣстъ, гдѣ ему оказывалось гостепріимство во время его скитальческой жизни.

Между тѣмъ какъ Давидъ переживалъ вышеописанную катастрофу и потомъ радовался счастливому исходу своихъ дѣлъ, на другомъ театрѣ событій разыгралась болѣе грандіозная драма, имѣвшая глубокое значеніе для двухъ народовъ и для Давида лично. Возвратясь изъ Аэндора, Саулъ увидаль, что филистимляне перемѣнили позицію такимъ образомъ, что еврей не могли уже наблюдать за ними изъ своего укрѣпленнаго лагеря на горѣ Гелвуй, а также не могли ожидать, что филистимляне сдѣлаютъ на нихъ здѣсь нападеніе. Не будучи въ состояніи выносить долѣе своего тягостнаго нерѣшительнаго положенія, Саулъ самъ рѣшился вызвать на бой филистимлянъ и вопреки обыкновеннымъ тактическимъ соображеніямъ въ войнѣ съ филистимлянами спустился въ долину ⁽¹⁾. Филистимляне того только и ждали. Бурнымъ потокомъ устремились они на евреевъ съ отлогой возвышенности при Афекѣ, смяли ихъ ряды и погнали, разя нещадно. Евреи бросились спасаться на гору Гелвуй, но и здѣсь не могли уже оправиться. Саулъ съ тремя своими храбрыми сыновьями держался на горѣ до послѣдней крайности. Тучи стрѣлъ осыпали ихъ, и всѣ сыновья одинъ за другимъ пали мертвые. Саулъ весь израненный увидаль свой конецъ. Не желая живой терпѣть униженіе отъ своихъ враговъ, которые уже безпрепятственно устремлялись на него, онъ бросился грудью на свой мечъ. Его

(1) Израилитяне расположились станомъ у источника, что въ Изреель. 1 Цар. 29, 1.

оруженосецъ послѣдовалъ его примѣру. Но Саулъ не могъ умереть мгновенно; жизнь его еще боролась со смертію. Въ это время случился подлѣ рыскавшій по полю битвы очевидно для грабежа амаликитянинъ. Въ смертной тоскѣ Саулъ попросилъ его покончить съ нимъ, что амаликитянинъ и исполнилъ охотно. Затѣмъ онъ ограбилъ его, снявъ корону съ его головы и запястье съ руки. Филистимляне окончательно уничтожили войско евреевъ. Страна осталась безъ защиты. Жители окрестныхъ городовъ въ страхѣ бѣжали за Иорданъ, оставляя свои жилища и имущество въ добычу побѣдителямъ. На другой день филистимляне, разсыпавшіеся по полю битвы для грабежа убитыхъ, нашли Саула и его сыновей, отсѣкли Саулу голову, сняли доспѣхи и отправили какъ трофей въ капище Астарты. Тѣло же Саула обезглавленное и тѣла сыновей для поруганія повѣсили на стѣнѣ одного еврейскаго города близъ Иордана. Жители Гависа Галаадскаго (этотъ городъ лежалъ внѣ предѣловъ филистимскаго господства, за Иорданомъ), обязанные нѣкогда Саулу спасеніемъ отъ гибели, услыхавъ о поруганіи надъ его тѣломъ, рѣшились отдать ему послѣднюю честь. Самые отважные изъ нихъ пустились ночью въ дорогу, дошли до Веесана, гдѣ былъ повѣшенъ Саулъ, взяли его и его сыновей тѣла и унесли къ себѣ въ Гависъ. Здѣсь они сожгли ихъ и похоронили пепель подъ дубомъ. Амаликитянинъ, которому посчастливилось овладѣть короною и дорогимъ запястьемъ царя Саула, сообразилъ, что онъ можетъ извлечь изъ этой добычи гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ могъ получить отъ купца за всѣхъ ея золота. Онъ отправился къ Давиду, принесъ ему вѣсть о поражении евреевъ, о смерти Саула и его сыновей и почтительно предложилъ ему царскія регалии въ надеждѣ, что это будетъ до безконечности пріятно претенденту на престоль, и онъ сдѣлаетъ его при себѣ важнымъ человекомъ. Но онъ жестоко ошибся въ расчетѣ. Давидъ пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ

какъ громомъ, разорвалъ на себѣ одежду и велѣлъ убить амаликитянина за то, что несчастіе еврейскаго царя ничего не возбудило въ немъ, кромѣ хищническихъ наклонностей и недостойныхъ расчетовъ понапрямую его преемнику своей продажной преданностью. Свою непритворную скорбь о Саулѣ, другѣ Ионаанѣ и о бѣдствіи всего народа еврейскаго Давидъ выразилъ въ трогательно-прекрасной, глубоко-поэтической пѣсни, которая въ числѣ другихъ вдохновенныхъ его произведеній сохранилась въ потомствѣ. Пѣснь эта очевидно написана подѣ первымъ впечатлѣніемъ. Въ ней Давидъ недоумѣваетъ, какъ могло произойти такое невѣроятное пораженіе храбрыхъ, не можетъ примириться съ фактомъ,—какъ и дѣйствительно бываетъ съ человѣкомъ, пораженнымъ страшнымъ несчастіемъ. „Краса твоя, о Израиль, поражена на высотахъ твоихъ!—взывалъ Давидъ. Какъ это пали сильные? Не рассказывайте въ Геѣѣ, не возвѣщайте на улицахъ Аскалона, чтобы не радовались дочери филистимлянъ, чтобы не торжествовали дочери необрѣзанныхъ. (Давиду, воспѣтому женщинами еврейскими за пораженіе множества филистимлянъ, тяжело было думать, что теперь филистимскія женщины и дѣвицы будутъ радостно привѣтствовать своихъ воиновъ за пораженіе евреевъ). Горы Гелвуйскія! Да не сойдетъ ни роса, ни дождь на васъ и да не будетъ на васъ полей съ плодами; ибо тамъ поверженъ щитъ сильныхъ, щитъ Саула, какъ бы не былъ онъ помазанъ елеемъ. Безъ крови раненыхъ, безъ тука сильныхъ лукъ Ионаана не возвращался назадъ, и мечъ Саула не возвращался даромъ. Саулъ и Ионаанъ, любезные и согласные въ жизни своей, не разлучились и въ смерти своей. Быстрѣе орловъ, сильнѣе львовъ они были. Дочери израильскія! плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницу съ украшениями и доставлялъ на одежды ваши золотые уборы. Какъ же это пали сильные на брани! Сраженъ Ионаанъ на высотахъ израильскихъ. Скорблю

о тебѣ, братъ мой Ионаанъ. Ты былъ очень дорогъ для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской. Какъ же пали сильные, погибло оружіе бранное“?

Такъ кончилъ свою жизнь и свое царствованіе первый царь еврейскій. Его самоубійство обусловливалось складомъ его нравственной личности. Это былъ человѣкъ, слишкомъ много полагавшійся на свои силы; печать гордаго самоупованія лежитъ на всѣхъ его дѣйствіяхъ въ теченіе жизни. Въ минуту, когда все казалось потеряннымъ, когда Давидъ всецѣло возложилъ бы упованіе на Бога и сталъ бы безпрекословно ждать Его милости или суда, Саулъ, не видя спасенія человѣческими средствами, рѣшился насильственно прекратить свою жизнь, чтобы избѣжать человѣческаго позора. О Провидѣніи, о высшемъ судѣ, о духовномъ своемъ существѣ онъ не думаетъ... Конецъ его царствованія былъ діаметрально противоположенъ началу: тамъ спасеніе отечества отъ враговъ; здѣсь поверженіе его въ рабство этимъ же самымъ врагамъ. Причину такого печальнаго конца нужно искать не въ случайныхъ какихъ-нибудь обстоятельствахъ, не въ ослабленіи личной храбрости Саула и его дарованій, какъ полководца (хотя послѣднее сраженіе повидимому указываетъ и на это), а въ общемъ характерѣ его царствованія, имѣвшемъ вредное вліяніе на духъ народа, на всѣ жизненныя отправленія государственнаго организма. Саулъ въ началѣ только предводительствовалъ войсками, а потомъ только властвовалъ, подчинялъ себѣ народъ, возвышалъ свой царскій авторитетъ до произвола; онъ не управлялъ въ собственномъ смыслѣ, т. е., не работалъ надъ организаціей общественныхъ силъ, не усиливался возбуждать ихъ энергію, не привлекалъ ихъ къ содѣйствію себѣ, а напротивъ скорѣе подавлялъ. Онъ былъ во враждѣ съ пророками, держалъ въ почтительномъ отдаленіи и даже страхѣ передъ собой священниковъ и не любилъ дѣлить власть и труды управленія съ

родовитыми и талантливыми лицами изъ всѣхъ колѣнъ, а окружалъ себя своими родичами, бездарными, но льстивыми людьми и иностранцами. Народъ, избавленный имъ отъ гнета внѣшнихъ враговъ, почувствовалъ гнетъ его самого и впалъ въ апатію. Эта апатія къ концу перешла въ глухое недовольство, которое хотя не разразилось революціей, но было причиною того, что въ послѣднюю войну съ филистимлянами въ войскѣ не оказалось того бодрого духа, той стойкости вокругъ своего предводителя-царя, благодаря которымъ Саулъ одерживалъ прежнія побѣды. Впрочемъ Саулъ свою задачу выполнилъ, сдѣлалъ то, къ чему былъ призванъ и что было по его силамъ: онъ въ критическую минуту спасъ народъ еврейскій отъ порабощенія, создалъ изъ разрозненныхъ колѣнъ, хотя и механически, одно цѣлое государство и далъ почувствовать его силу его исконнымъ и злѣйшимъ врагамъ⁽¹⁾. Продолжительность Саулова царствования нѣтъ возможности опредѣлить съ точностію, потому что для этого нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ въ Библии. Хотя для пополненія пробѣловъ въ библейской хронологіи и находятъ иногда нужнымъ растянуть царствованіе Саула на 40 лѣтъ, однако это число представляется слишкомъ большимъ въ виду нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ свящ. лѣтописью относительно жизни Саула. Ни откуда не видно, что Саулъ достигъ глубокой старости. Давидъ на исходѣ седьмого десятка лѣтъ уже совершенно лишился жизненныхъ силъ; Саулъ же въ послѣдній годъ жизни отправился на войну и если не сражался лично, то руководилъ сраженіемъ. Жизнь свою онъ кончилъ

(1) Поэтому нельзя говорить, что выборъ Саула былъ совсѣмъ неудаченъ, что его не слѣдовало и избирать въ цари. Если выборъ палъ на Саула, то это означало только, что всякій другой еврей въ то время оказался бы не лучше, если не хуже Саула. Богу пришлось бы сдѣлать чудо, создавъ особеннаго человека для царствованія надъ евреями; но Онъ этого не сдѣлалъ, а выбралъ то, что въ данное время народъ могъ дать отъ себя и для себя.

самоубійствомъ, и въ немъ оставалось еще столько жизненной силы, что онъ не могъ умереть скоро, бросившись на свой мечъ. Поэтому въ день смерти ему едвали было болѣе 60 лѣтъ. При вступленіи его на престолъ его сынъ Ионафанъ былъ уже крѣпкимъ воиномъ, слѣдовательно не менѣе, какъ 20-ти лѣтъ, и слѣдовательно самому Саулу было не менѣе 40 лѣтъ. Дружба между Давидомъ и Ионафаномъ описывается въ Библии такими чертами, что мы не можемъ предполагать большую разницу между ними въ годахъ, — они представляются сверстниками или почти сверстниками. Если Давидъ утвердился на престолѣ въ Хевронѣ 30-ти лѣтъ отъ роду⁽¹⁾, то день побѣды его надъ Голиафомъ, когда началась его дружба съ Ионафаномъ, нельзя отодвинуть далѣе 10 лѣтъ отъ смерти Саула, — Давидъ долженъ былъ имѣть тогда по меньшей мѣрѣ 20 лѣтъ. Но если бы Саулъ царствовалъ 40 лѣтъ, то Ионафану въ день побѣды Давида надъ Голиафомъ было бы уже 50 лѣтъ. Это была бы разница слишкомъ большая и совершенно не сообразная съ характеромъ тѣхъ отношеній, какія установились между Давидомъ и Ионафаномъ. Гораздо естественнѣе поэтому предположить, что Саулъ царствовалъ не болѣе 20 лѣтъ. Что касается мѣста изъ кн. Дѣян. ап. 13, 20, 21, то оно очень неясно. Изъ него можно вывести заключеніе, что Саулъ царствовалъ 40 лѣтъ; но въ тоже время возможно и другое заключеніе, что 40 лѣтъ обнимали царствованіе Саула вмѣстѣ съ управленіемъ Самуила въ качествѣ судіи. Во всякомъ случаѣ это мѣсто рѣшающаго значенія не имѣетъ. Иосифъ Флавій говоритъ, что Саулъ царствовалъ 18 лѣтъ при жизни Самуила и 2 года (хотя есть варіантъ: 22 г.) по смерти Самуила⁽²⁾. Точно такъ же 20 лѣтъ царствованія даетъ Саулу и Климентъ александрійскій⁽³⁾.

(1) 2 Цар. 3, 4.

(2) Antiqu. L. VI, cap. 14, 9.

(3) Stromata Lib. I, cap. 21. Migne. Curs. comp. 1857 г.